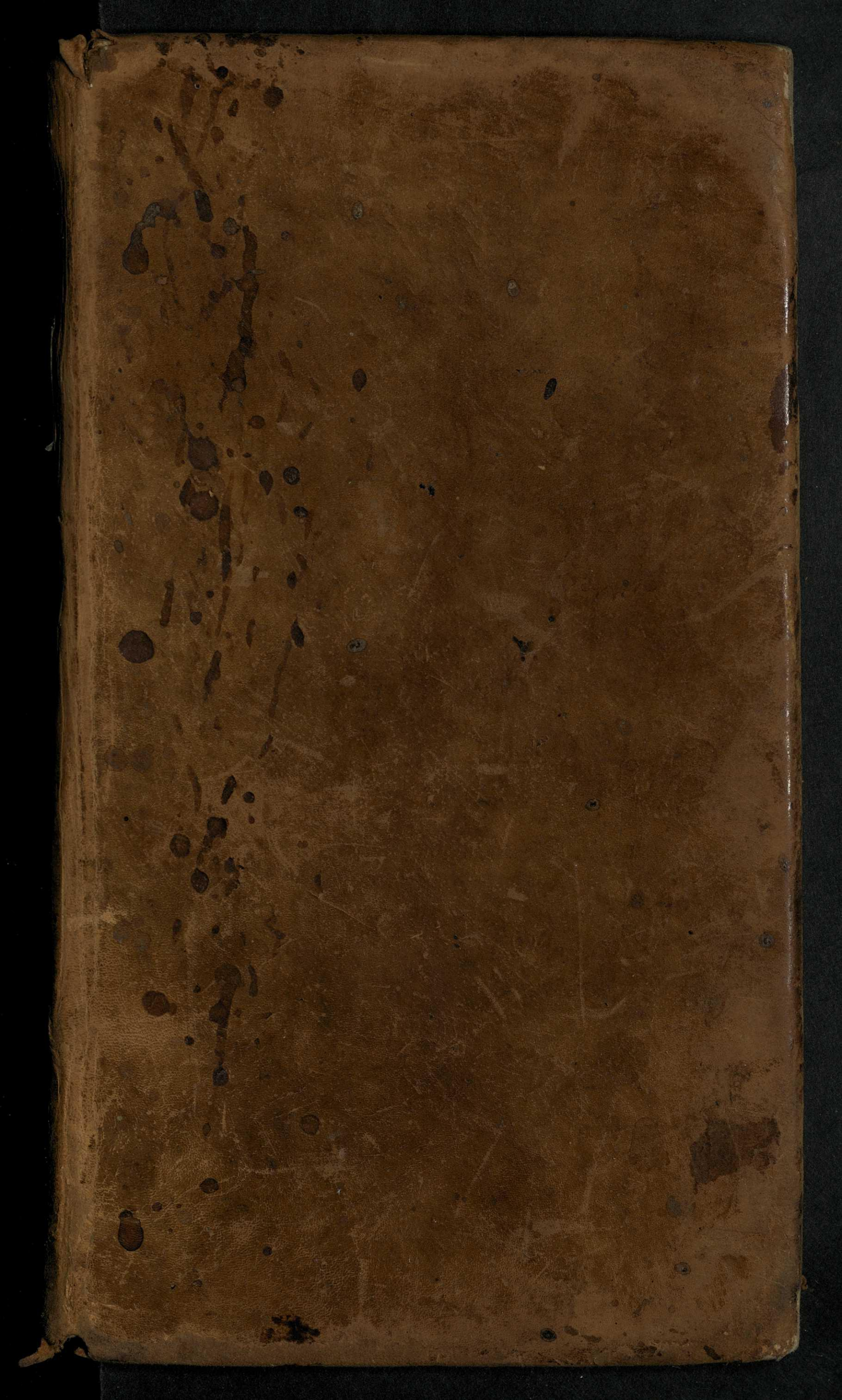
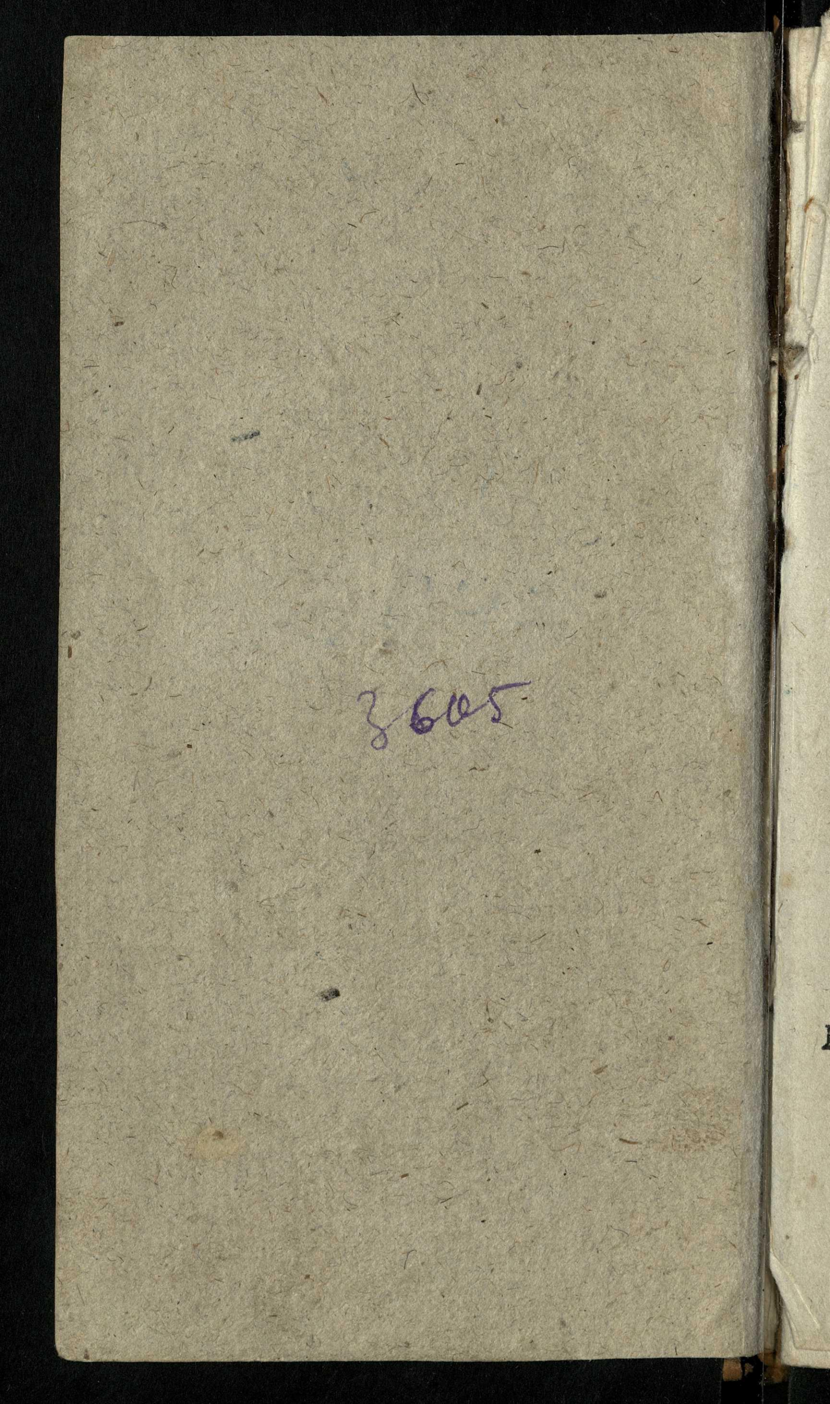

Сія книга прина
длежитъ Лизаветѣ
дачери
Залоскиной. Алексѣя
Николаевича Залоскина

Беркен А.

3605

МОЛОДОЙ
ГРАНДИССОНЪ,
СЛУЖАЩІЙ
ДЛЯ
ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ;
ВЪ ПИСЬМАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова,
1792.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Молодой Грандиссонъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ Логики и Метафизики Профессоръ, и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНДРЕЙ БРЯНЦЕВЪ.

МОЛОДОЙ ГРАНДИССОНЪ, СЛУЖАЩІЙ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

Письмо I.

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Лондонъ. Апрѣля 17.

Вы мнѣ позволили писать къ себѣ, матушка! Ахъ, какое это утѣшеніе для моего сердца! Конечно я имѣлъ въ немъ великую нужду, когда я такъ въ далекомъ отъ васъ разстояніи.

И такъ, вотъ я и въ Лондонѣ. Благодаря Бога, я здоровъ, но все очень печаленъ! Вы скажете, что это свойства ребенка; однакожъ я непрестанно

на дорогѣ плакалъ, когда вспоминалъ о послѣднихъ вашихъ поцѣлуяхъ при нашей разлукѣ. Но быть такъ: я вамъ объ этомъ ничего болѣе говорить не буду. А знаю, сколько вы меня любите, и не хочу васъ оскорблять.

Какой прекрасный это городъ! сколько въ немъ живетъ народу! У насъ въ Голландіи ни въ половину нѣтъ такого большаго города. Все бы мнѣ казалось здѣсь хорошо, естьли бы была тутъ матушка. Ахъ, вотъ что худо!

Не безъ причины хвалили вы Гжу. Грандиссонъ, свою пріятельницу. Она такъ кротка и добра, что, кто ее увидитъ, то всякъ полюбитъ. Когда я сюда пріѣхалъ, то она взяла меня въ свои объятія, точно такъ, какъ вы, когда бывали мною до-

вольны. А Г. Грандиссонъ! Я не могу сказать, какой это почтенный человѣкъ. Я хочу взять его себѣ въ примѣръ, и точно увѣренъ, что меня весь свѣтъ будетъ любить и почитать, когда я выросту. Батюшка конечно былъ такой же, какъ и онъ: ибо вы мнѣ часто говорили, сколько онъ былъ честенъ. Ахъ! есть-ли бы онъ еще живъ былъ, какъ бы я былъ щастливъ! Я бы такъ, какъ и молодой Карлъ, повиновался ему въ малѣйшихъ дѣлахъ, и любилъ бы его отъ всего сердца, любя не менѣе и васъ. Но это Богу угодно не было. Онъ по крайней мѣрѣ оставилъ мнѣ мать, и мать такую добрую, какъ вы. Право, я уже не столько нещастливъ; да мнѣ кажется, что почти и нѣтъ такихъ благополучныхъ дѣтей. Я всякой день

благодарю Бога за сїе щастїе, и прошу его о сохраненїи васъ. Но прощайте, матушка. Прощай, сестрица. Я посылаю вамъ въ этомъ письмѣ тысячу поцѣлуевъ и доброжелательствъ. Думайте и обо мнѣ немного, когда я объ васъ всегда думаю. Ахъ, скоро ли я васъ увижу и обойму! Какъ длиненъ для меня будетъ этотъ годъ! Какъ скоро протекало время, когда мы были вмѣстѣ!

---

*Гжа. Д*** къ своему сыну.*

Амстердамъ. Апрѣля 28.

Письмо твое, любезный сынъ, принесло мнѣ величайшее удовольствїе. Печаль, чувствуемая тобою о нашей разлукѣ, показываетъ мнѣ, что ты имѣешь чувствительное сердце. Дитя, кото-

торое безъ печали можетъ удалиться отъ своей матери, не умѣетъ ее любить. Однакожъ должно внимать гласу разума. Намъ не льзя быть всегда вмѣстѣ; и я считаю за постыдную слабость, рабски предаваться своей горести. Научись вооружаться мужествомъ противъ превратностей жизни. Жизнь, по видимому самая щастливая, сопряжена съ премногими нещастіями, которыя съ самаго дѣтства должно пріучиваться сносить. Естьли тебя будетъ когда нибудь безпокоить печаль о нашей разлукѣ, то ты только вспомни, съ какимъ удовольствіемъ увидимся мы по прошествіи года, и ты тотчасъ найдешь себѣ утѣшеніе. Между тѣмъ мы будемъ писать другъ къ другу письма, сколько можно чаще. Писать

почти то же, что и говоритъ. Теперь ты видишь, хорошо ли ты дѣлалъ, учась съ такою прилѣжностїю? Чтобы было, когда бы ты имѣлъ нещастїе пренебрегать свое ученїе? Мы бы были въ разлукѣ, и не могли другъ другу сказать ни слова.

И такъ Г. Грандиссонъ кажется тебѣ почтеннымъ человѣкомъ, и ты хочешь взять его себѣ въ примѣръ! Ты меня восхищаешь, любезный сынъ! Этотъ выборъ есть уже начало добродѣтели. Такъ, отецъ твой былъ таковъ же, каковъ и онъ, и я точно увѣрена, что и ты постараешься сдѣлаться достойнымъ его сыномъ. Въ семъ состоитъ величайшее мое утѣшенїе по его смерти!

Прощай, любезный Вильгельмъ! Обойми за меня Гжу. Грандисонъ. Уведомь меня о всѣхъ твоихъ упражненiяхъ и забавахъ. Но пиши ко мнѣ всегда такъ, какъ бы ты изустно говорилъ. Письмо должно быть просто, натурально и безъ всякаго принужденiя. Сестра о тебѣ много сожалѣетъ. Она по сту разъ на день спрашиваетъ у меня о тебѣ чего нибудь новаго, и жалуется, что я съ нею не могу, такъ хорошо играть, какъ ты!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Лондонъ. Мая 8.

Покорно благодарю васъ, милостивая государыня матушка, что вы изволили ко мнѣ

писать Я показалъ письмо ваше Гжѣ. Грандиссонъ. Какая нѣжная у тебя мать, сказала она, прочитавши письмо! Конечно, сударыня, отвѣчалъ я ей, матушка, другая вы; и она меня за то поцѣловала. Послушай, любезный другъ, прибавила она, какъ матушка позволяетъ тебѣ писать, и велитъ увѣдомлять себя обо всемъ томъ, что до тебя касается, то не забывай ничего. Говори ей о твоемъ ученіи и забавахъ, и описывай всѣ твои разговоры съ моими дѣтьми. Это можетъ облегчить ея печаль о твоемъ отсутствіи. Нѣтъ, сударыня, сказалъ я ей, матушка всегда запрещала мнѣ говорить о томъ, что происходитъ въ другихъ домахъ, и вѣрно хочетъ, чтобъ я къ ней писалъ только о себѣ. Ну, отвѣ-

вѣчала она мнѣ, такъ я тебѣ позволяю увѣдомлять ее обо всемъ томъ, что дѣлается въ нашемъ домѣ. У меня нѣтъ лучшей пріятельницы, какъ твоя мать; и я бы сама ввѣрила ей всѣ мои тайны, но сію должность возлагаю я на тебя. Ахъ, матушка, какъ меня обрадовало это позволеніе! Сколько я буду вамъ разсказывать о любезномъ моемъ Карлѣ! Объ немъ-то я чаще всего стану къ вамъ писать. Вы не знаете, какъ онъ уменъ, чувствителенъ и добръ. Мы всегда вмѣстѣ, и я его часъ отъ часу болѣе люблю. Эдуардъ, братъ его, двумя годами его старше, но очень на него не похожъ. Что же касается до Эмиліи, младшей ихъ сестры, то вотъ милая дѣвушка!

Гжа.

Гжа. Грандиссонъ къ вамъ теперь пишетъ, матушка; она спрашиваетъ у меня письма, чтобъ вложить въ свое. Мнѣ очень досадно, что не могу съ вами долѣе разговаривать; я кажется бы не наскучилъ никогда къ вамъ писать. Для меня столько же тяжело перестать писать, какъ пріятно начать. Прощайте, матушка! берегите своего здоровья, и не переставайте давать мнѣ вашихъ благоразумныхъ наставленій! Я можетъ быть сдѣлаюсь столько же любезнымъ, какъ и другъ мой Карлъ.

Сердечно цѣлуя сестрицу. Сожалѣю, что не могу съ нею играть, а особливо, когда она говоритъ, что я къ тому такъ способенъ.

Гжа.

*Гжа. Д*** къ своему сыну.*

Амстердамъ. Мая 18.

Поздравляю тебя, любезный сынъ, съ такимъ другомъ, каковъ Карлъ! Нѣкоторые мои знакомцы, которые его видали у родителей, говорятъ объ немъ, какъ объ самомъ лучшемъ дитятѣ. Здѣсь ты видишь, какъ важно хорошее поведенiе и исполненiе своихъ должностей. Всѣ его любятъ и почитаютъ. Эдуардъ съ первыхъ своихъ лѣтъ показалъ въ себѣ непокорный и дикой характеръ. Но, любезный сынъ, замѣчай его пороки только для того, чтобъ отъ нихъ беречься, и не оставляй въ своемъ сердцѣ ни малѣйшаго мѣста ненависти! Эдуардъ еще молодъ, можетъ исправиться; и до сей щастливой перемѣны онъ заслуживаетъ одно только сожалѣнiе.

Изъ

Изъ письма Гжи. Грандиссонъ вижу я, что она тебя полюбила: это должно побудить тебя тѣмъ болѣе стараться быть достойнымъ того, что она мнѣ говоритъ о тебѣ. Ты долженъ чувствовать, сколько выговоры ея тебѣ, могутъ поразить мое сердце. Но нѣтъ, я тебя знаю. Ты не перестанешь быть любезнымъ моимъ сыномъ. Прощай!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Лондонъ. Мая 17.

Карлъ къ вамъ пишетъ, матушка, Карлъ къ вамъ пишетъ! Вы найдете его письмо въ моемъ. Какое прекрасное письмо, и какой прекрасный образъ выраженія! Но успокойтесь, за

мною

мною дѣло не станетъ: я и самъ скоро буду также писать, какъ онъ. Мнѣ только двѣнатцать лѣтъ, а ему тринатцать: такъ вотъ цѣлый годъ разности, въ который я могу много успѣть!

Ничего бы, матушка, не недоставало къ моему щастїю, когда бы только вы здѣсь были, и видѣли, какъ я щастливъ. Все наше ученїе есть одно удовольствїе. Мы учимся рисованью, танцованью, музыкѣ, и каждой день ходимъ въ поле прогуливаться, и разсматривать растѣнїя. Г. Бартлетъ, человѣкъ весьма ученый, приходитъ къ намъ въ недѣлю раза по-два, по-три, и мы очень много пользуемся его разговорами. Я со дня на день болѣе чувствую, какъ печально быть въ невѣжествѣ; и какъ вы-

год-

годно образовать свой разумЪ, особливо, когда кЪ тому требуется только то, чтобы, учась, забавляться. Не бойтесь, матушка, я не теряю вЪ этомЪ домѣ времени, и имѣю прекрасный примѣрЪ прилѣжности и добродѣтели вЪ любезномЪ моемЪ Карлѣ. Между нами вЪ ученіи есть великая ревность, которая никакЪ не вредитЪ нашей дружбѣ; но напротивЪ того еще болѣе, кажется, насЪ соединяетЪ. ОднакожЪ надобно кончить письмо: меня зовутЪ завтракать. Ступай же, любезное мое письмо, скажи матушкѣ, что я люблю ее отЪ всего сердца; скажи ей, что я ее тысячу разЪ заочно цѣлую!

Еще остался маленькой уголокЪ бумаги; пользуясь имЪ, свидѣтельствую сестрицѣ столь-

ко

ко любви, сколько на немъ изобразить не можно.

---

*Карлъ Грандиссонъ къ Гжѣ. Д****

Лондонъ. Мая 17.

Милостивая Государыня!

Какъ вы меня одолжили, приславши къ намъ своего сына! Это такой другъ, котораго вы мнѣ дали на всю жизнь. О есть-ли бы вы знали, какъ онъ любитъ разговаривать объ васъ, и съ какою нѣжностїю о томъ говоритъ! Часто также говоритъ онъ мнѣ и о своемъ родителѣ. Описывая его смерть, онъ трогаетъ меня до слезъ. Какъ ты щастливъ, говорилъ онъ мнѣ вчера ввечеру, что имѣешь еще у себя отца! Какъ жалко то дитя, которое лишено своего ро-

родителя! Ахъ! оно лишается вмѣстѣ лучшаго своего попечителя и друга. Могутъ ли быть такія дѣти, которыя не повинуются своимъ родителямъ, и только оскорбляютъ ихъ своими поступками! Естьли бы я батюшкѣ подалъ хотя малую причину къ оскорбленію, то для меня не было бы уже никакого щастія въ свѣтѣ. Однакожъ у тебя есть еще мать, отвѣчалъ я ему. Конечно, прервалъ онъ, у меня есть еще мать, которая меня столь же нѣжно любитъ, какъ и я ее. Попеченія ея обо мнѣ гораздо удвоены стали съ тѣхъ поръ, какъ батюшка скончался. Безъ сомнѣнія и я долженъ удвоивать къ ней свое почтеніе и любовь. Для чего я еще молодъ? Я бы раздѣлялъ ея труды, и пособлялъ бы ей въ пренесеніи ея

печа-

печалей. Повѣрь мнѣ, любезный другъ, что покуда я живъ, то всегда стану доказывать своею нѣжностію, достоинъ ли я ея любви. — Я не могъ ему на то никакъ отвѣчать: столько я былъ тронутъ; и только долженъ былъ его обнять. Ахъ! милостивая государыня, кто столько почитаетъ своихъ родителей, тотъ конечно долженъ быть весьма вѣрнымъ другомъ!

Я не могу вамъ сказать, съ какимъ раченіемъ онъ исполняетъ свои должности. Г. Вартлетъ всякой день удивляется его успѣхамъ. Однакожъ не думайте, чтобы мы всегда занимались важными дѣлами: мы умѣемъ также и забавляться; и забава никогда намъ не приноситъ больше удовольствія, какъ

послѣ трудовъ. Мы бѣгаемъ по полю, играемъ въ кегли, и употребляемъ всѣ тѣ игры, которыя требуютъ движенія и проворства. Урокамъ, упражненіямъ и забавамъ, всему у насъ назначено время, и я вамъ могу отвѣчать, что мы во всемъ довольно исправны.

Что вы думаете, милостивая государыня, о той смѣлости, которую я принялъ написать къ вамъ такое длинное письмо? Но нѣтъ, вы меня въ этомъ простите, конечно простите. Я говорю о томъ, что для васъ всего дороже. Все, что до вашего сына касается, должно приносить вамъ удовольствіе. Однакожъ я не хочу во зло употреблять вашего снисхожденія. Покорнѣйше прошу извинить меня въ моей смѣлости

по

по дружбѣ моей съ вашимъ сыномъ, и по глубокому почтенію, съ которымъ имѣть честь пребыть,

Милостивая Государыня!

Вашъ покорный слуга

Карлъ Грандиссонъ.

---

*Гжа. Д*** къ своему сыну.*

Амстердамъ. Іюня 4.

Въ этомъ письмѣ найдешь ты мой отвѣтъ на прекрасное письмо, которое я получила отъ друга твоего Карла. Я весьма обрадована твоими ко мнѣ чувствованіями. Сохраняй ихъ всегда въ своемъ сердцѣ; и мать твоя будетъ щастлива.

Я къ тебѣ посылаю печальное извѣстіе. Ты знавалъ моло-

даго Этампа. Онъ теперь въ тюрьмѣ. Страсть къ карточной игрѣ его погубила. Онъ почти раззорилъ своихъ родителей. Недавно заплатили они за него довольно знатную сумму денегъ; и онъ обѣщался имъ никогда болѣе не играть; однакожъ пустился въ игру снова, и его проигрыши чрезвычайны. Родителямъ его не осталось болѣе никакого средства къ избавленію его, какъ только рѣшиться, заплатя его долги, ходить по мїру. Какъ нещастливъ этотъ молодой человѣкъ! Ты знаешь, какъ бы онъ былъ любезенъ безъ сей страсти, въ которую онъ вдался. Сперва всѣ о немъ сожалѣли, а теперь всѣ его презираютъ. О! естьли бы этотъ примѣръ всегда былъ предъ твоими глазами, и предохранялъ тебя отъ такого ужаснаго нещастія!

Гжа.

Гжа. Грандиссонъ пишетъ ко мнѣ, что ты учишься съ ея дѣтьми. Сколь милосердо осыпаетъ тебя Богъ дарами, пристойными твоему произхожденiю, когда мать твоя не въ силахъ ихъ тебѣ доставить! Будь признателенъ къ своимъ благодѣтелямъ, и не упускай никогда изъ мыслей, съ какою ревностiю долженъ ты пользоваться хорошимъ ихъ расположенiемъ. Средство, соотвѣтствовать имъ, есть одно только твое прилѣжанiе. Не теряй ни минуты: прошедшiй часъ болѣе уже ни приходитъ. Какъ бы я была довольна, естьли бы разумъ моего сына былъ украшенъ всѣми полезными познанiями! Какъ бы я прельщалась его разговорами! Сiя надежда очень много облегчаетъ печаль мою о нашей разлукѣ. Да послу-

житъ она равномѣрно и къ твоему успокоенію. Такъ, любезный сынъ, я уже тебѣ сказала, Богъ не опредѣлилъ насъ жить вмѣстѣ. Но ничто не можетъ препятствовать нашей любви, хотя бы мы еще далѣе разлучены были. Прощай, любезный сынъ, исполняй свои должности; но не пренебрегай также и забавъ! Я не могу быть щастлива безъ твоего благополучія.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Лондонъ. Іюня 12.

Завтра мы отъѣзжаемъ, матушка, въ деревню. Какъ я буду веселиться! Карлъ положилъ въ чемоданъ нѣкоторыя книги. Карандаши наши также не забыты.

Вся

Вся эта земля, говорятъ, наполнена прекрасными картинами. Мы будемъ стараться изображать ихъ на бумагѣ. Маленькая Эмилїя беретъ съ собою пяльцы, и хочетъ иголкою своею снимать самые лучшїе цвѣты. Хоть она еще одиннатцати лѣтъ, но она чрезвычайно проворна. Мы всѣ трое ради, что ѣдемъ въ деревню. Одинъ Эдуардъ этимъ недоволенъ. Какъ онъ мнѣ жалокъ! Мнѣ кажется, что это худый знакъ, когда онъ не любитъ деревенскаго воздуха. Я теперь слышалъ, какъ онъ разговаривалъ съ своимъ братомъ и сестрою. Вотъ ихъ разговоръ слово до слова:

Эмилїя.

Знаете ли вы, что Г Бартлетъ съ нами ѣдетъ въ деревню?

 Карлъ.

Карлъ.

Знаю, сестрица, и я этому весьма радъ.

Эдуардъ.

Только я нѣтъ!

Карлъ.

Для чегожъ, братецъ?

Эдуардъ.

Для того, что онъ всегда мнѣ за что нибудь выговариваетъ.

Карлъ.

Чтожъ такое? Выговоры его могутъ тебя исправить. Мнѣ кажется, что тѣ, которые столько благосклонны, что говорятъ намъ о нашихъ проступкахъ, суть лучшіе наши друзья; и я ихъ гораздо болѣе почитаю, нежели тѣхъ, которые намъ льстятъ!

Вить Карлъ справедливъ. Не правда ли, матушка?

Эдуардъ.

Я по крайней мѣрѣ думалъ, что хоть на нѣкоторое время избавлюсь отъ проклятаго этого Латынщика. Но нѣтъ, я вижу, что мы должны будемъ также и тамъ дѣлать переводы, какъ въ городѣ.

Карлъ.

Надѣюсь; но для меня кажется нѣтъ ничего тяжелаго, когда Г. Бартлетъ будетъ съ нами. Напротивъ того онъ разскажетъ намъ обо всѣхъ деревенскихъ растѣнїяхъ. О! это очень будетъ весело.

Эдуардъ.

Конечно! великое веселье искать травъ, нагибаясь къ землѣ, какъ овцы.

Карлъ.

Карлъ.

Но уклалъ ли ты, Эдуардъ, свой чемоданъ?

Эдуардъ.

Я велю, братецъ, укласть его лакею.

Эмилїя.

Лакеи теперь всѣ заняты.

Эдуардъ.

Чтожъ такое? Они пойдутъ спать часомъ попозже.

Эмилїя.

Бѣдные люди! Цѣлый день работаютъ, и ты хочешь, чтобъ они и отъ сна своего убавили еще часъ!

Эдуардъ.

Великое нещастїе!

Эмилїя.

Но ты бы могъ ихъ отъ того освободить, и самъ бы уклалъ свой чемоданъ, когда имѣ-

ешь

ешь на то время. Это бы лучше было, нежели мучить собаку.

Эдуардъ.

Собака-то, кажется, моя.

Эмилїя.

Конечно, но лакеи не твои!

Эдуардъ.

Слушай, сударыня, я не имѣю нужды въ твоихъ наставленїяхъ: береги ихъ про себя.

Ссора бы гораздо увеличилась, естьли бы Карлъ не взялъ ихъ обоихъ за руки, говоря: помиритесь, любезные друзья! Ссора между братьями и сестрами есть всегда великое зло. Послушай, Эдуардъ, когда ты хочешь гулять, то подай мнѣ ключь; я укладу твой чемоданъ, между тѣмъ какъ лакеи будутъ обѣдать.

Какой ты доброй, братецЪ, сказала Эмилїя! Я тебя люблю отЪ всего моего сердца.

АхЪ, матушка, какая разность между двумя братьями! Какїя любезныя свойства суть кротость и привѣтливость! Но, прощайте! мнѣ должно васЪ оставить. Я постараюсь кЪ вамЪ отписать обо всемЪ, какЪ скоро мы прїѣдемЪ вЪ деревню. За чѣмЪ вы сЪ сестрицею не сЪ нами же вмѣстѣ?

---

*ВильгельмЪ Д*** кЪ своей матери.*

Іюня 15.

Мы уже прїѣхали, матушка. Какой прекрасный домЪ вЪ этой деревнѣ! Со всѣхЪ сторонЪ видны веселыя гулянья. ОгородЪ здѣсь очень великЪ; и я изЪ окошка

окошка смотрю на поле, такъ что оно у меня изъ виду теряется. Сады расположены здѣсь съ такимъ искусствомъ, что восхищаютъ при первомъ взглядѣ. У Карла есть садъ особой, въ которомъ онъ можетъ садить и сѣять все то, что ему захочется. По пріѣздѣ нашемъ онъ тотчасъ побѣжалъ къ нему: и знаете ли, матушка, что онъ сдѣлалъ? Нѣтъ, нельзя быть его благороднѣе и щедрѣе! Онъ подарилъ два рубли садовнику, который ходилъ за его садомъ во время его отсутствія. Ему конечно бы можно было обойтись и безъ этого подарка, для того что Г. Грандиссонъ даетъ садовнику довольно большое жалованіе; но это такой человѣкъ, у котораго есть еще шестеро маленькихъ дѣтей. Онъ бѣденъ,

а Карлъ благодѣтель. И такъ, мнѣ кажется, что онъ хорошо это сдѣлалъ. Однакожъ Эдуарду показалось, что онъ поступилъ дурно. Надобно вамъ написать ихъ разговоръ о сей матеріи. Эдуардъ стоялъ подлѣ меня. Увидѣвши два рубли у садовника, онъ тотчасъ сказалъ своему брату.

Эдуардъ.

Дуракъ что ли ты, что ты этому человѣку даешь столько денегъ? Батюшка платитъ ему за работу.

Карлъ.

Правда, братецъ; но посмотри, какъ онъ ходилъ за моимъ садомъ. Это стоитъ маленькаго награжденія: при томъ же онъ не богатъ, и у него много дѣтей. Развѣ не надобно имѣть сожалѣнія къ бѣднымъ?

Эду-

Эдуардъ.

Спасибо; однакожъ ему не должно бы давать больше, нежели сколько надобно.

Карлъ.

Ахъ, братецъ, когда бы батюшка давалъ намъ только то, что для насъ надобно, то вѣрно бы этого было очень мало!

Эдуардъ.

Развѣ ты осмѣлишься сказать ему объ этомъ дѣлѣ?

Карлъ.

Конечно, скажу; я ничего такого не буду дѣлать, чего бы не могъ ему сказать.

Эдуардъ.

Изрядно же онъ тебя побранитъ; я тебѣ говорю.

Карлъ.

А я тебѣ говорю, что онъ меня совсѣмъ бранить не будетъ. Я видѣлъ, что онъ самъ

часто давалъ что нибудь этому садовнику, когда бывалъ доволенъ его работою.

Эдуардъ.

Батюшка даетъ свои деньги, а ты не свои.

Карлъ.

Извини, братецъ. Деньги, что я отдалъ садовнику, принадлежатъ мнѣ. Я ихъ досталъ своею экономiею, и мнѣ позволено, какъ хочу располагать ими; а мнѣ кажется, что я лучше ихъ ни на что употребить не могу.

Эдуардъ.

Какъ будто бы не лучше было, когда бы ты накупилъ ракетъ, и сдѣлалъ маленькой потѣшный огонь для матушки въ честь нашего прiѣзда!

Карлъ.

Ракеты только на одну минуту; да и что это такое? Шумъ, да блескъ, болѣе ничего. Притомъ же отъ нихъ случаются и нещастія. Нѣтъ, нѣтъ, деньги мои будутъ для меня гораздо полезнѣе. Садовникъ накупитъ на нихъ башмаковъ для своихъ дѣтей; и маленькіе робятишки не будутъ болѣе бѣгать босыми ногами по камнямъ и терну.

Эдуардъ (*съ насмѣшливымъ видомъ.*)

А намъ какая нужда, что у этихъ дѣтей есть башмаки, или нѣтъ? Я не вижу по чему это касается до насъ.

 Карлъ.

Карлъ.

Но это, братецъ, касается до нихъ, и сего довольно. Боже сохрани насъ думать только о своихъ нуждахъ, не стараясь и о другихъ! О, братецъ, должно имѣть сожалѣнїе и къ бѣднымъ! Они такїе же люди, какъ и мы.

Эдуардъ не могъ никакъ ему противорѣчить; но увидѣвши недалеко отъ насъ на травѣ спящую кошку, оставилъ насъ съ сердцемъ, и пошелъ ее безпокоить.

Что вы скажете объ этомъ, матушка? Я стыжусь за Эдуарда, и еще болѣе люблю Карла. Гжѣ. Грандиссонъ конечно принесетъ болѣе удовольствїя щедрость ея сына, нежели всѣ ракеты въ свѣтѣ. Естьли я когда нибудь буду богатъ, то какъ можно стану стараться надѣлять

бѣд-

бѣдныхъ людей. Это конечно такое же удовольствіе, какъ и помогать человѣку, имѣющему въ насъ нужду. Прощайте, матушка: меня зовутъ прогуливаться! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я отъ васъ писемъ! Ахъ! когда-то буду я получать ихъ отъ сестрицы?

---

*Гжа. Д*** къ своему сыну.*

Амстердамъ. Іюня 20.

Я весьма обрадована послѣднимъ твоимъ письмомъ, любезный сынъ. Ты справедливо предпочитаешь образъ мыслей Карловыхъ Эдуардовымъ. Какъ его сердце было довольно, когда онъ видѣлъ радость на лицѣ честнаго садовника! Это такое удовольствіе, которое онъ будетъ

ощущать каждый разЪ, когда увидитЪ башмаки на ногахЪ этихЪ бѣдныхЪ дѣтей. Лучшее средство полагать цѣну своему богатству есть дѣлать людей щасливыми.

Гжа. ГрандиссонЪ прислала ко мнѣ одинЪ твой рисунокЪ. Мнѣ весьма лестно видѣть, что ты такЪ хорошо пользуешься преподаваемыми тебѣ уроками. Естьли щастїе не надѣлитЪ тебя своими дарами, то живопись есть такое искусство, котораго Полковничьему сыну не льзя пренебрегать. ВпрочемЪ она есть прїятное препровожденїе времени, которое предохраняя тебя отЪ праздности, предохранитЪ и отЪ всѣхЪ пороковЪ, ею производимыхЪ. Упражненїе вЪ изящныхЪ искусствахЪ есть самый вѣр-

вѣрный хранитель юношества отъ страстей.

Желанїе, оказываемое тобою къ полученїю писемъ отъ твоей сестры, подало ей поводъ къ многимъ разсужденїямъ. Ахъ, маминька, говорила она мнѣ вчера ввечеру, какъ это хорошо писать письма! Когда вы мнѣ читаете письма отъ братца, то онъ какъ будто бы здѣсь былъ, и съ нами разговаривалъ. Сдѣлайте милость, маминька, наймите мнѣ Учителя, чтобъ онъ меня научилъ писать письма къ братцу; тогда и я также какъ будто буду съ нимъ говорить. Она просила меня неотступно, такъ что я обѣщала ей нанять Учителя въ слѣдующїй мѣсяцъ. Она бросилась ко мнѣ на шею: о, маминька, какъ я буду умна! Чѣмъ мнѣ заслужить вашу милость?

Что мнѣ дѣлать, чтобъ вы мною всегда были довольны? Учись только прилѣжно, сказала я ей. — Но учиться прилѣжно касается до меня, а не до васъ, маминька. Это столько же касается до меня, сколько и до тебя, отвѣчала я ей. Развѣ щастіе моихъ дѣтей не собственное мое? Ахъ, маминька, прервала она, когда буду я дѣлать что нибудь для васъ однихъ? Какъ тебѣ кажется, любезный сынъ; можно ли требовать больше отъ шестилѣтняго робенка? Я взяла ее въ свои объятія, и прижала къ своему сердцу. Прощай! Обнимаю и тебя съ такою же нѣжностію.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Іюня 17.

Ахъ, матушка, какое нещастіе! Эдуардъ упалъ въ воду: онъ очень боленъ. Гжа. Грандиссонъ также больна; и мы всѣ печальны. Но вы увидите, что Эдуардъ страдаетъ по собственной своей винѣ. Щастливъ еще онъ, что избавился. Естьли бы только не такъ скоро получилъ онъ помощь, то бы вѣрно утонулъ.

Это было вчера послѣ обѣда. Онъ не сдѣлалъ утренней своей работы. Г. Грандиссонъ приказалъ ему остаться въ комнатѣ и ее докончить. Вотъ какъ онъ не послушливъ! Не смотря на это приказаніе, онъ вышелъ вонъ, и пришелъ къ намъ. Но погодите, сдѣлайте милость:

надобно вамЪ расказать все такЪ, какЪ происходило.

Мы шли уже около четверти часа, вЪ намѣренiи пойти отвѣдать свѣжаго молока у откупщицы. ВдругЪ услышали мы Эдуарда; онЪ бѣжалЪ кЪ намЪ изо всей мочи, и мы думали, что онЪ получилЪ позволенiе притти кЪ намЪ. ОнЪ прибѣжалЪ. Тогда мы опять пошли; и пройдя вмѣстѣ нѣсколько шаговЪ, встрѣтились сЪ мальчикомЪ, который везЪ телѣжку сЪ бочкою. ОнЪ хотѣлЪ посторониться, и дать намЪ дорогу. Колесо попало вЪ выбой, телѣжка опрокинулась, и бочка упала на землю. Бѣдный мальчикЪ былЪ вЪ великомЪ замѣшательствѣ: ибо самЪ не могЪ поставить бочки на телѣжку, а изЪ большихЪ людей никого здѣсь не

слу-

случилось. Карлъ, добрый Карлъ тотчасъ подбѣжалъ къ нему: Вильгельмъ, Эдуардъ, вскричалъ онъ, подите сюда, пособимъ этому доброму мальчику. У четверыхъ у насъ будетъ столько силы, чтобъ поднять бочку. Конечно, сказалъ Эдуардъ, намъ этимъ и заниматься. Для чегожъ, отвѣчалъ Карлъ? Мнѣ кажется нѣтъ ничего непристойнаго дѣлать добра. Впрочемъ ты останься себѣ съ покоемъ. Посмотримъ, авось либо мы и трое сможемъ. И такъ, мы принялись за работу; и въ одну минуту телѣжка была поднята, и бочка на нее поставлена, между тѣмъ какъ Эдуардъ пѣлъ пѣсню, и смѣялся надъ нами. Мальчикъ былъ очень радъ. Онъ поблагодарилъ насъ, и продолжалъ свой путь. Ну, Карлъ,

ска-

сказалЪ ЭдуардЪ, вотЪ что славно! СЪ удовольствїемЪ вижу я, что ты можешь быть очень хорошимЪ винокуромЪ. ЧтожЪ такое, отвѣчалЪ ему КарлЪ, усмѣхнувшись, естьли бы я былЪ винокуромЪ, и по нещастїю уронилЪ бы бочку, то бы я весьма радЪ былЪ, естьли бы мнѣ кто нибудь помогЪ? Да, тебѣ все смѣшки, отвѣчалЪ ЭдуардЪ. Но что скажетЪ батюшка, когда узнаетЪ, что ты теперь сдѣлалЪ? ОнЪ еще болѣе похвалитЪ своего сына, сказала Эмилїя. Батюшка добрЪ, и на мѣстѣ Карла то же бы сдѣлалЪ, что и онЪ. Фи, перервалЪ ЭдуардЪ, мнѣ стыдно за васЪ обоихЪ. ТакимЪ ли людямЪ, какЪ мы, мѣшаться вЪ дѣла подлой черни? АхЪ! сказалЪ КарлЪ, естьли они когда нибудь имѣютЪ вЪ насЪ нужду,

жду, то мы вѣрно болѣе имѣемъ въ нихъ нужды. Мы помогли этому мальчику: кто знаетъ, не будетъ ли когда и его помощь нужна кому нибудь изъ насъ?

Вы скоро увидите, что Карлъ говорилъ правду.

Мы не успѣли еще притти къ откупщицѣ, какъ Эдуардъ предложилъ намъ покататься по рѣкѣ на лодкѣ, которая стояла у берегу въ ямѣ. Эмилія и Карлъ никакъ на то не согласились, говоря, что батюшка нарочно запретилъ имъ ѣздить по водѣ. Онъ объ этомъ ничего не будетъ знать, сказалъ Эдуардъ. Но мы не должны ничего дѣлать такого, отвѣчалъ Карлъ, чего бы батюшка не зналъ. Ну! такъ и быть, сказалъ Эдуардъ. Однакожъ я пойду погуляю по лугу;

мнѣ

мнѣ что-то здѣсь не весело. Мы всѣ думали, что онъ въ самомъ дѣлѣ пойдетъ гулять. Но повѣрите ли, матушка? Вмѣсто того, чтобъ пойти, какъ онъ сказывалъ, прогуливаться по лугу, онъ поворотилъ къ берегу, и сѣлъ въ лодку. Чрезъ полчаса мы вдругъ услышали, что кто-то кричалъ: помогите. Мы побѣжали къ нему съ откупщикомъ и его сыномъ. Какоежъ было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что лодка была опрокинута, и нещастный Эдуардъ погруженъ въ водѣ? Подлѣ него былъ мальчикъ, и тянулъ его за полу кавтана, не имѣя силы вытащить. Этотъ-то мальчикъ звалъ насъ къ себѣ на помощь. Откупщикъ бросился тотчасъ въ яму, и вытащилъ ихъ обоихъ изъ воды. Но Эдуардъ лишенъ былъ

чувствъ

чувствъ и движенія. Эмилія жалостно кричала; а я столько былъ пораженъ, что не могъ ни слова промолвить. Одинъ Карлъ былъ спокоенъ, и сохранялъ присутствіе духа. Сперва приказалъ онъ, чтобъ отнесли его въ домъ къ откупщику, покуда онъ образумится. По томъ сказалъ своей сестрѣ, чтобъ она молчала, и чтобъ воплей ея не услышалъ батюшка; я пойду къ нему, прибавилъ онъ, и предупрежу его въ этомъ нещастіи. А вы смотрите тутъ за братцомъ.

Не удивляетесь ли вы, матушка, такимъ благоразумнымъ и нѣжнымъ предосторожностямъ?

Но какое было смятеніе его родителей при этомъ извѣстіи? Гжа. Грандиссонъ впала въ обморокъ; а Г. Грандиссонъ, подавъ ей

ей помощь, тотчасъ побѣжалъ къ своему сыну. Уже несли его домой. Никто не думалъ, чтобъ онъ былъ живъ. При всей своей твердости, Г. Грандиссонъ не могъ удержаться отъ слезъ. Ахъ, какъ нѣжно любитъ добрый отецъ своихъ дѣтей! Онъ забываетъ всѣ ихъ проступки, когда они въ опасности. Наконецъ общими нашими стараніями Эдуардъ приведенъ былъ въ чувства; но онъ еще и теперь лежитъ въ постелѣ, и страждетъ сильною лихорадкою. Видите ли, какъ онъ наказанъ за свое непослушаніе. Онъ только что не лишился жизни, и не умертвилъ своихъ родителей. Какъ хорошо этотъ примѣръ научаетъ меня быть всегда послушнымъ и смирнымъ! Прощайте, матушка, я скоро васъ увѣдомлю о прочемъ! Ахъ,

какъ

какъ бы я благодарилъ сестрицу за трогательную ея прозьбу! Но я ожидаю, покуда она будетъ умѣть вести со мною переписку.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Іюля 2.

Милостивая государыня матушка! Госпожѣ Грандиссонъ стало гораздо легче. Эдуардъ скоро выздоровѣетъ; и я надѣюсь, что сіе приключеніе сдѣлаетъ его умнѣе. Въ послѣднемъ письмѣ говорилъ я вамъ о мальчикѣ, который спасъ Эдуарда, держа его за платье; но позабылъ вамъ сказать, что это былъ тотъ самый, которому мы помогли поднять бочку на тележку. Карлъ говорилъ правду. Мо-

жно имѣть нужду во всѣхъ, не зная какимъ образомъ. Эдуардъ точно бы утонулъ, естьли бы не помогли мальчику для того, что оставшись на дорогѣ подлѣ опрокинутой своей тележки, онъ бы не могъ увидѣть Эдуарда, броситься къ нему въ воду, и позвать насъ на помощь. Но надобно вамъ привести тотъ разговоръ, который мы имѣли вчера послѣ обѣда о сей матерiи съ Г. Грандиссономъ въ комнатѣ больнаго.

Покорно благодарю, сказалъ Эдуардъ, что вы пришли меня посѣтить.

Карлъ.

Развѣ ты, братецъ, не пришелъ бы къ намъ, когда бы мы больны были?

Эдуардъ.

Вильгельму можетъ быть веселѣе бы было гулять.

Вильгельмъ.

Нѣтъ, Эдуардъ; повѣрь мнѣ, что я весьма радъ, что тебѣ становится легче.

Эмилїя.

А особливо, когда подумаемъ о прошедшей опасности.

Эдуардъ.

Это правда. Безъ добраго мальчика меня бы ужъ вѣрно болѣе не было.

Г. Грандиссонъ.

Мнѣ очень прїятно, любезный сынъ, что ты объ этомъ думаешь. Ты видишь теперь, такъ какъ тебѣ и Карлъ говорилъ, что никогда не льзя знать: будемъ ли мы имѣть нужду въ томъ человѣкѣ, который ее въ насъ имѣетъ.

Эдуардъ.

Правда ваша, батюшка; мнѣ очень жалко, что я не помогъ этому мальчику, который долженъ былъ оказать мнѣ такую важную услугу.

Г. Грандиссонъ.

Весьма я радъ, что ты раскаеваешься въ своемъ поступкѣ. Теперь тебѣ остается только помнить безпрестанно твоего избавителя, въ тѣхъ мысляхъ, что можетъ быть когда либо выдетъ и такой случай, когда ты ему можешь за то заплатить. А до того времени тебѣ должно нѣкоторымъ образомъ быть благодарнымъ къ нему чрезъ вспоможенiе, по его примѣру, всѣмъ тѣмъ, которыхъ увидишь въ злополучiи. Сверьхъ того ты можешь изъ собственнаго своего нещастiя

из-

извлечь весьма полезное для себя наставленіе, то есть, чтобЪ никогда не презирать тѣхЪ, которые ниже насЪ. Чтобы на мѣстѣ этого мальчика сдѣлалЪ молодый ДворянинЪ? ОнЪ бы конечно удовольствовался тѣмЪ, чтобЪ позвалЪ кого на помощь, не помогши тебѣ самЪ ни мало; и ты бы прежде погибЪ вЪ его глазахЪ, нежели бы онЪ осмѣлился опустить ногу вЪ яму. НапротивЪ того мальчикЪ, будучи смѣлѣе и чувствительнѣе его, тотчасЪ бросился кЪ тебѣ вЪ воду сЪ опасностію собственной своей жизни. Ты не захотѣлЪ оказать ему самой малой услуги; но онЪ при всей твоей жестокости кЪ кему не побоялся пожертвовать своею жизнію за спасеніе твоей. СдѣлалЪ ли ты до сихЪ порЪ,

 да

да и сдѣлаешь ли когда нибудь подобное дѣло? Нѣжные родители, братъ, сестра, другъ обязанъ ему за спасеніе полезнаго своего родственника, котораго бы они безъ него лишились. Общество обязано ему такимъ человѣкомъ, который со временемъ будетъ ему полезенъ. И такъ берегитесь, дѣти, презирать кого нибудь изъ нашихъ ближнихъ, какого бы они состоянія ни были: ибо часто простые люди бываютъ для насъ гораздо полезнѣе, нежели знатные.

Слезы навернулись на глазахъ моихъ, матушка, когда говорилъ это Г. Грандиссонъ. Мнѣ казалось, что всѣ его чувствованія находились въ глубинѣ моего сердца. Въ самомъ дѣлѣ я нѣсколько разъ замѣтилъ, что про-

простые люди болѣе всѣхъ состраданельны къ нещастію других; а вѣрно не льзя быть злымъ, когда бываемъ такъ расположены къ поданію помощи своимъ братьямъ.

Прощайте, матушка. Завтра мы ѣдемъ обѣдать къ сестрѣ Г. Грандиссона. Она живетъ за нѣсколько миль отъ насъ. Я принужденъ васъ оставить: ибо сего дня должно лечь пораньше, а завтра встать до разсвѣту. Эдуардъ не можетъ съ нами ѣхать. Онъ столько этимъ огорченъ, что мнѣ самому стало больно. И такъ, вотъ другое наказаніе за его поступокъ! Я васъ увѣдомлю подробно о нашей поѣздкѣ. Сдѣлайте милость, матушка, пишите ко мнѣ, покуда сестрица сдѣлается вашимъ секретаремъ.

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Іюля 5.

Мы очень веселились у Милорда и Милади Камплей. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы увидѣли, какъ другъ мой обходился въ многочисленной компаніи. Тамъ былъ другой молодой человѣкъ нашихъ лѣтъ. Но какая разница между имъ и Карломъ? У перваго походка была всегда принуждена. Онъ все только дѣлалъ поклоны, комплименты; и не смѣлъ ни на кого смотрѣть въ лице, какъ будто бы стыдился какого нибудь гнуснаго дѣла. Напротивъ того Карлъ обходителенъ, наблюдая благородство и свободную учтивость. Онъ всегда имѣетъ веселый видъ при всей своей скромности; слушаетъ со вниманіемъ, мало говоритъ; и

что

что скажетъ, то слова его исполнены прiятности и справедливости. Весь свѣтъ кажется имѣетъ удовольствiе его слушать. Онъ отмѣнно разбираетъ съ кѣмъ какъ обходится. Будучи почтителенъ къ вышшимъ и старшимъ себя, онъ учтивъ къ равнымъ себѣ, и снисходителенъ къ нижнимъ. Ни мало не обнаруживая своей разборчивости, онъ обращаетъ на все свое вниманiе. Я вамъ представлю одинъ только на то примѣръ. Мы пошли въ садъ прогуливаться. Одна молодая дѣвица позабыла въ горницѣ свою шляпу. Она не замедлила жаловаться на зной солнца. Карлъ это уже отгадалъ; и когда она только намѣрена была пойти за своею шляпою, то увидѣла Карла, который къ ней ее принесъ. Онъ попросилъ позволе-

нія самому надѣть на ея голову; что онъ сдѣлалъ со всею своею учтивостію. Я васъ увѣряю, матушка, что онъ въ обществѣ кажется человѣкомъ лѣтъ тритцати. Послѣ обѣда онъ проигралъ на клавикордахъ самую трудную піэсу, и получилъ отъ всѣхъ похвалу. Ахъ, естьли бы я сдѣлался такъ любезнымъ, какъ онъ, какъ бы я былъ щастливъ! Я бы старался, матушка, всегда вамъ болѣе нравится. Двѣ Миладіины дочери весьма хорошо воспитаны. Старшая, по имени Шарлотта, поетъ прелестно. Эмилія любитъ ее отъ всего сердца. Онѣ обѣщались другъ съ другомъ переписываться.

Но я было и позабылъ вамъ сказать, что съ нами случилось на обратномъ пути. Г. и Гжа. Грандиссонъ поѣхали впередъ съ

Эми-

Эмилїею и съ одною сосѣднею госпожею, которая ихъ провожала. Г. Бартлетъ, Карлъ и я, мы были въ другой коляскѣ. Едва мы проѣхали двѣ мили, какъ увидѣли одного бѣднаго старика, сидѣвшаго подъ деревомъ. Карлъ остановилъ кучера, и, оборотясь къ Г. Бартлету: посмотрите, сказалъ онъ ему, сдѣлайте милость, на этого старика. Онъ кажется слѣпъ и не имѣетъ при себѣ никого. Что этотъ нещастный здѣсь дѣлаетъ? Позволите ли мнѣ пойти распросить его? Отъ всего моего сердца, другъ мой, отвѣчалъ ему Бартлетъ. Карлъ тотчасъ выскочилъ изъ коляски, подбѣжалъ къ нищему и спросилъ его: кто ты, другъ мой, и что ты въ этомъ пустомъ мѣстѣ одинъ дѣлаешь? Ахъ, отвѣчалъ слѣпой,

я живу отсюда не болѣе двухъ миль. Сего дня поутру пошелъ я просить милостыни въ эту деревню, которая. . . Но я уже не знаю, въ какой она и стоpонѣ; а мой провожатый, злой робенокъ, не захотѣлъ меня отвести назадъ, для того что я не собралъ столько денегъ, чтобъ заплатить ему по обыкновенію. Я надѣюсь теперь на одного Бога, который можетъ быть пошлетъ ко мнѣ кого нибудь на помощь. Да солнце ужъ заходитъ, сказалъ Карлъ; скоро наступитъ ночь: что ты здѣсь будешь дѣлать? Должно будетъ погибнуть, отвѣчалъ слѣпой. Нѣтъ, перервалъ Карлъ; я хочу быть тѣмъ, котораго ты ожидаешь отъ Бога къ себѣ на помощь. Ахъ, Г. Бартлетъ, сказалъ онъ ему, воротясь къ

намъ,

намъ, не уже ли вы меня лишите удовольствія спасти нещастнаго старика, бѣднаго слѣпаго, оставленнаго безъ помощи, и который, естьли мы надъ нимъ не сжалимся, сдѣсь погибнетъ? Ночь уже наступаетъ. Что сдѣлается съ этимъ нещастнымъ, когда его никто не поведетъ домой? Онъ живетъ отсюда не болѣе двухъ миль. Что намъ мѣшаетъ завезти его туда въ нашей коляскѣ? Очень хорошо, Карлъ, отвѣчалъ ему Бартлетъ, слѣдуй движеніямъ великодушнаго твоего сердца. Карлъ не успѣлъ получить сего отвѣта, какъ побѣжалъ къ старику, взялъ его за руку, и посадилъ въ коляску. Другому, а не моему другу, стыдно было бы ѣхать съ такимъ человѣкомъ, который имѣлъ разодранное

платье; но онъ напротивъ того казалось поставлялъ это себѣ въ честь. По близости намъ нѣчего было слишкомъ много своpачивать съ дороги, чтобъ отвести бѣднаго старика въ его избу. Я примѣтилъ, что Карлъ ссадилъ его съ коляски, тайно всунулъ ему въ руку денегъ; и мы разстались съ нимъ, получа отъ него тысячу благословенiй. По прiѣздѣ нашемъ всѣ похвалили это великодушное дѣло. Но этотъ человѣкъ, сказала Эмилiя, съ длинною своею бородою и лоскутьями, я думаю, очень смѣшенъ былъ въ вашей коляскѣ. Сестрица, я совсѣмъ не думалъ объ его нарядѣ, отвѣчалъ Карлъ, имѣя такое удовольствiе помочь нещастному. Г. Грандиссонъ не могъ удержаться; глаза его наполни-

лись слезами нѣжности. Онъ протянулъ рукъ къ своему сыну, который бросился въ его объятія, и нѣжно прижалъ его къ своему сердцу. Ахъ, матушка, чѣмъ мое сердце было наполнено во время сего, столь трогательнаго явленія? Мнѣ, кажется, что эта коляска должна быть для моего друга самою торжественною колесницею

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Іюля 12.

Покорно благодарю, матушка, за милостивое ваше письмо. Давно было уже вы ко мнѣ не писали. Я боялся, не недовольны ли вы мною. Знаете ли вы, что я дѣлаю? Я всегда ношу

шу за пазухою последнее ваше письмо, чтобъ чаще можно было его читать, и повторять тѣ прекрасныя наставленія, которыя вы мнѣ въ немъ преподаете. Мнѣ кажется, что я становлюсь немного лучше всякой разъ, когда его прочту. Вчера былъ день рожденія Гжи. Грандиссонъ. Карлъ проснулся еще до разсвѣту. Онъ молился гораздо долѣе, нежели обыкновенно; и безъ сомѣнія въ молитвѣ своей просилъ Бога о своей матушкѣ, такъ какъ я молюсь за васъ въ день вашего рожденія. По томъ одѣлся онъ въ новое платье. Вы бы плѣнились радостнымъ его лицемъ. Но надобно вамъ разсказать все съ самаго начала.

Съ мѣсяцъ тому назадъ Эдуарду и Карлу сшито каждо-

му

му по парѣ лѣтняго новаго платья, которое они сами выбрали. Эдуардъ одѣлся въ первый же день; но Карлъ не переставалъ носить прошлогодняго платья, которое было весьма еще хорошо. Когда Г. Грандисонъ спрашивалъ у него тому причины, то онъ отвѣчалъ, что прячетъ его для какого нибудь отмѣннаго посѣщенія. Видите ли, матушка? Это посѣщеніе сдѣлалъ онъ своей матери въ день ея рожденія. Какъ хорошъ Карлъ! и какъ онъ все кстати выдумываетъ! Эмилія пришла къ намъ постучаться въ двери, и ожидала насъ съ нетерпѣливостію. Мы сошли вмѣстѣ, и увидѣли Г. и Гжу. Грандиссонъ завтрикавшихъ въ залѣ. Карлъ первый пожелалъ своей матушкѣ всякаго щастія. Онъ сталъ передъ нею

на колѣни, и съ почтенїемъ поцѣловалъ ея руку. Ахъ, естьлибъ я могъ вспомнить все то, что онъ ей сказывалъ? Но я столько былъ тронутъ, что не могъ удержать въ памяти всѣхъ его словъ. Онъ ей подарилъ по томъ пукъ цвѣтовъ, которые онъ взростилъ собственными своими руками. Эмилїя ему послѣдовала, и поднесла Гжѣ. Грандиссонъ прекрасный кошелекъ своей работы. Этотъ подарокъ никакъ не былъ ожидаемъ, почему былъ тѣмъ болѣе еще прїятенъ. Гжа. Грандиссонъ обняла обоихъ своихъ дѣтей, и нѣжно ихъ поцѣловала. По томъ обнялъ ихъ и батюшка, между тѣмъ какъ я поздравлялъ Гжу. Грандиссонъ съ днемъ ея рожденїя, сколько можно было лучше; по крайней мѣрѣ поздравлялъ ее отъ всего

мо-

моего сердца: ибо я въ самомъ дѣлѣ люблю достойныхъ своихъ попечителей. Спустя нѣсколько минутъ пришелъ и Эдуардъ. Я точно увѣренъ, что онъ любитъ свою матушку. Да и кто бы ее не полюбилъ? Но что онъ ни дѣлалъ, поступки его не могли мнѣ принесть такого удовольствія, какъ Карловы. Карлъ все дѣлаетъ гораздо пріятнѣе, нежели Эдуардъ. Эмилія получила въ подарокъ пару прекрасныхъ косынокъ, а Карлъ и Эдуардъ часы съ репетиціею. Но повѣрите ли вы, что у Эдуарда со вчерашняго же дня часы испорчены? Я, матушка, получилъ въ подарокъ прекрасный микроскопъ. Онъ для меня лучше всѣхъ дѣтскихъ игрушекъ. О какая это добрая Гжа. Грандиссонъ! Чѣмъ я заслужилъ такой подарокъ?

Ввечеру пріѣхали къ намъ въ гости всѣ сосѣди. Карлъ потчивалъ ихъ за столомъ, какъ совершенно взрослый человѣкъ. Онъ рѣзалъ мясо, наливалъ вино, служилъ дамамъ: словомъ сказать, весьма исправно исполнялъ маленькую свою должность.

Письмо это конечно уже длинно; но я говорю о моемъ другѣ, и говорю о немъ вамъ, матушка. Однакожъ, какъ бы то ни было, должно его кончить. При всемъ томъ я окончу его не прежде, какъ нѣжно обниму любезную сестрицу, чтобъ она и васъ за то обняла отъ всего своего сердца!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Іюля 15.

Здѣсь для меня всякой день новыя радости. Сынъ вашъ сдѣлался теперь садовникомъ. Хочешь ли ты мнѣ помочь, сказалъ однажды мой другъ? Саду моему надобно дать другой видъ. Время цвѣтовъ уже прошло. Я хочу его засѣять разными салатными травами, чтобъ угощать ими матушку во все лѣто. Хочу ли я, отвѣчалъ я ему? Конечно хочу: я всегда радъ, когда ты мнѣ подашь случай дѣлать что нибудь для тебя. Тотчасъ мы пошли переодѣться въ легкіе камзолы; и вотъ у насъ обоихъ въ рукахъ заступы. Садъ былъ вычищенъ того же вечера. Вчера мы встали поутру въ пять часовъ. Въ нашемъ ремеслѣ не должно

жно долго спать: ибо при солнечномъ зноѣ не льзя ничего дѣлать. Сего дня поутру мы опять принялись за работу, и имѣли удовольствіе окончить ее прежде завтрака. Мы теперь ожидаемъ, скоро ли взойдутъ наши посѣвы. Между тѣмъ стараемся, какъ бы искоренить вредныя травы. Какое для насъ будетъ удовольствіе, когда увидимъ выросшія нами растѣнія? До сихъ поръ я то же дѣлалъ, что и другія дѣти, которыя видя каждый день произведенія природы, не обращаютъ на нихъ своего вниманія. Но Карлъ научаетъ меня разсуждать обо всемъ томъ, что я вижу. Примѣръ тому я могу показать во вчерашнемъ нашемъ разговорѣ. Я не знаю, писалъ ли я уже къ вамъ, что Карлъ имѣетъ прекрасный птичникъ,

чникъ, наполненный разными родами птицъ, за которыми онъ самъ ходитъ? Окончивши садовую нашу работу, мы пошли съ Эмиліею прогуливаться. Подождите на минуту, сказалъ намъ Карлъ. Мнѣ надобно васъ покинуть. Я еще нынѣ не кормилъ моихъ птичекъ.

Эмилія.

Мы съ нимъ же пойдемъ, Вильгельмъ?

Вильгельмъ.

Съ великимъ удовольствіемъ.

Карлъ.

Право, вы очень добры, что хотите посѣтить маленькихъ моихъ воспитанниковъ.

Вильгельмъ.

Ахъ, какія прекрасныя птички! Какъ они радуются, увидя тебя!

Карлъ.

Для того, что я пріучилъ ихъ ѣсть изъ моей руки.

Вильгельмъ.

Можно сказать, что они тебя благодарятъ.

Карлъ.

Я надѣюсь, что они меня немного знаютъ. Однакожъ я примѣтилъ, что, когда у меня на головѣ шляпа, то они убѣгаютъ отъ меня, какъ будто бы болѣе меня и не знали. Напротивъ того собака моя всегда бы меня, я думаю, узнала, какъ бы я ни былъ переодѣтъ.

Эмилія.

Эдуарду должно поучиться отъ тебя быть осторожнѣе. Не уморилъ ли онъ однажды съ голода свою чечѣтку? О естьлибъ у меня была птичка! я бы ее никогда не забывала.

Карлъ.

Карлъ.

Это правда. Надобно хорошенько смотрѣть за бѣдными животными, которыя сами собою не могутъ доставать себѣ пропитанія.

Эмилія.

Но не лучше ли бы было пустить ихъ на волю, нежели держать ихъ въ заперти. Запирать должно только тѣхъ, которыя дѣлаютъ зло другимъ; а ужъ вѣрно эти бѣдныя птички никому не дѣлали зла.

Карлъ.

Конечно нѣтъ, но они не нещастливы и въ своей клѣткѣ. Естьли бы они прежде наслаждались свободою, то я весьма бы берегся лишать ихъ вольности. Но они родились въ заключеніи; и я объ закладъ бьюсь, что естьли я отворю имъ птичникъ,

 то

то они будутъ бояться отту-
да вылетѣть.

Эмилїя.

Однакожъ они видятъ, что другїя летаютъ въ свободѣ по воздуху. Чтобы мы думали, естьли бы были заключены?

Карлъ.

Мы бы думали, что весьма прїятно быть свободными, а весьма тягостно заключенными. Но птицы не имѣютъ никакого понятїя о семъ различїи; когда только имъ есть что пить, да ѣсть, то они совершенно довольны. Они довольствуются тѣмъ, что имѣютъ, не думая о томъ, чего имъ недостаетъ.

Эмилїя.

Я очень рада, что ты меня успокоилъ въ разсужденїи этого. Тетушка обѣщалась мнѣ подарить чижика. Я хотѣла было для то-

го только его принять, чтобъ пустить на волю. Но теперь ты будешь у меня, любезной дружокъ. Я буду ходить за тобою, и насыпать тебѣ съ излишкомъ въ клѣтку сѣмя; ты не смотри на зиму, когда другія птицы столько стараются сыскать его подъ снѣгомъ.

Видите, матушка, какая добрая Эмилія! Я думаю, что это письмо сестрицѣ длиннымъ не покажется? Это хорошій для нее примѣръ!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Іюля 18.

Карлъ, Эдуардъ и я вчера ходили обѣдать къ Кавалеру Френдли. У него есть сынъ почти нашихъ лѣтъ, съ которымъ мы очень забавлялись. Вотъ вамъ,

вамъ, матушка, разговоръ, который мы вчера имѣли объ немъ возвращась домой. Эмилія, встрѣтя насъ, спросила съ пріятнымъ видомъ: довольны ли мы были нашимъ посѣщеніемъ?

Конечно, сестрица, отвѣчалъ ей Карлъ; но еще бы лучше было, коли бы ты имѣла въ немъ участіе!

Эмилія.

Ты очень добръ, братецъ; однакожъ Эдуардъ кажется неслишкомъ доволенъ.

Эдуардъ.

Это правда; впередъ я никогда не пойду; молодой Френдли совсѣмъ ко мнѣ не присталъ.

Карлъ.

Какъ же братецъ? Вить онъ такъ почтителенъ и учтивъ. . .

Эдуардъ.

Потому что онъ кажется сороколѣтнимъ, а не четырнатцатилѣтнимъ человѣкомъ.

Карлъ.

А я это-то въ немъ и почитаю. Развѣ тебѣ не чудно, что онъ въ такихъ лѣтахъ столько уменъ и ученъ?

Эдуардъ.

Какая ему нужда показывать намъ всѣ свои Физическіе инструменты? Чтобы было, естьли бы я сталъ говорить дѣвицѣ о красотахъ Латинскаго языка? Не была ли бы это съ моей стороны неучтивость?

Карлъ.

Конечно такъ, для того что ты знаешь уже, что она въ воспитаніи своемъ не учится этому языку. Но молодой Френдли могъ заключить о нашемъ уче-

ученіи по себѣ; и я столько его считаю скромнымъ, что никакъ не думаю, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе надъ нами посмѣяться. Онъ хотѣлъ только нѣсколько времени позабавить насъ любопытными дѣйствіями Электрической своей машины. Признаться, она мнѣ принесла тѣмъ большее удовольствіе, что какъ мнѣ кажется познанія его не превышаютъ нашихъ силъ; и я теперь принялъ намѣреніе прилѣжнѣе учиться всѣмъ тѣмъ наукамъ, которыя имѣютъ предметомъ своимъ природу.

Эдуардъ.

А это какъ тебѣ покажется, что молодой знатный человѣкъ работаетъ на токарномъ станкѣ?

Карлъ.

Карлъ.

Это столько мнѣ понравилось, что я попрошу батюшку подарить мнѣ такую же машину.

Эмилія.

Ахъ, Карлъ, сдѣлай милость, попроси. Ты мнѣ надѣлаешь прекрасныхъ игрушекъ изъ слоновой кости.

Эдуардъ.

Право; я не могу удержаться отъ смѣху. Карлъ Грандиссонъ дѣлается токаремъ! Это для него нехудое ремесло, когда онъ сдѣлается бѣднымъ.

Карлъ.

Не шути, братецъ. Есть люди знатнѣе насъ, которые сдѣлались бѣдными. Хотя я и надѣюсь, что никогда не буду имѣть нужды въ токарномъ искусствѣ для своего пропитанія; однакожъ это упражненіе веселое,

и рукамъ нашимъ придаетъ немалую легкость. Для меня оно будетъ прїятнымъ препровожденїемъ времени, когда я устану учиться.

Ахъ, милостивая государыня матушка! Естьли бы вы были столько богаты, чтобы могли мнѣ подарить токарной станокъ? Но нѣтъ, не безпокойтесь. Я буду работать и на Карловомъ станкѣ. Молодой Френдли при насъ выточилъ изъ слоновой кости коробочку, и подарилъ ее мнѣ. Я ее посылаю сестрицѣ, покуда пришлю къ ней своей работы.

Виль-

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.* Іюля 22.

Г. и Гжа. Грандиссонъ поѣхали на нѣсколько дней къ одному своему другу; а Г. Бартлетъ отправился въ Лондонъ. И такъ, матушка, мы остались одни съ старою горничною служанкою и малымъ числомъ лакеевъ. Эмилія смотритъ за хозяйствомъ вмѣсто матушки. Она даетъ приказы всѣмъ людямъ съ такимъ умомъ, какъ будто бы была постарѣе десятью годами. Не прекрасно ли это въ такой молодой дѣвушкѣ? Ей еще нѣтъ двѣнатцати лѣтъ, но лакеи почитаютъ уже ее, какъ свою Госпожу. Знаете ли для чего? Для того, что она говоритъ съ ними всегда съ кротостію, и слишкомъ коротко съ ними не обходится. Въ семъ случаѣ она

слѣдуетъ примѣру брата своего Карла. Вы не можете повѣрить, какъ его любятъ и почитаютъ всѣ домашніе. Эдуардъ напротивъ того съ ними всегда играетъ; но они его не могутъ терпѣть: ибо онъ имъ дѣлаетъ много зла, и поступаетъ съ ними часто съ несноснымъ высокомѣріемъ. Ахъ, естьли бы онъ уѣхалъ съ своими родителями! Какъ только нѣкого стало ему слушаться, то нѣтъ болѣе способовъ жить съ нимъ. Карлъ, Эмилія и я, мы занимаемся обыкновенными упражненіями, какъ будто бы Г. и Гжа. Грандиссонъ присматривали за нами. А Эдуардъ пользуясь ихъ отсутствіемъ, проводитъ цѣлый день въ пустыхъ забавахъ, или въ бѣганіи по полю. Онъ даже старается еще отвратить насъ отъ уче-

ученія, какъ будто бы упражненія наши были для него предметомъ упрековъ за его лѣность. Ввеча поутру въ углу комнаты занимались мы рисовкою. Эдуардъ забавлялся, спуская жука на ниткѣ, и подъ тѣмъ видомъ, будто за нимъ бѣгаетъ, толкнулъ нашу скамью, чтобъ помѣшать намъ работать. Эмилія разсердясь по своей живости, хотѣла было его ругать. Карлъ предупредилъ ее, и съ кротостію обратя рѣчь свою къ брату: любезный Эдуардъ, сказалъ онъ ему, естьли ты хочешь играть, такъ поди себѣ играй: на что намъ мѣшать?

Эдуардъ.

Развѣ ты не видишь, что этому причиною мой жукъ?

Эмилія.

Этому можно повѣрить.

 Карлъ.

Карлъ.

Скажи мнѣ, братецъ, безъ сердца, какое удовольствїе можетъ найти мальчикъ твоихъ лѣтъ въ такой забавѣ? Ты только безъ нужды мучишь бѣднаго насѣкомаго.

Эдуардъ.

Хорошо, я его пущу на волю, только съ тѣмъ, чтобъ ты пошелъ со мною въ садъ гулять.

Карлъ.

То есть, когда я откажусь отъ этого, то ты не перестанешь мучить бѣднаго жука. Однакожъ, коли я съ тобою не пойду, то это не его вина.

Эдуардъ.

Вотъ видишь, какой ты! Тебѣ никогда не хочется дѣлать того, что я захочу.

Карлъ.

Карлъ.

Да послушай, братецъ; мнѣ кажется лучше дѣлать то, что хочется батюшкѣ; а ему хочется, чтобъ мы этотъ часъ что нибудь работали.

Эдуардъ.

Какъ-будто бы онъ теперь принуждалъ насъ къ тому.

Эмилїя.

А! такъ ты все только дѣлаешь изъ принужденїя?

Эдуардъ.

Я вижу, что вы оба согласились всегда нападать на меня.

Карлъ.

Нѣтъ, братецъ; однакожъ, хотя Эмилїя и правду говоритъ, но чтобъ доказать, что я готовъ тебѣ служить, я пойду съ тобою гулять. Рисунокъ свой могу я кончить и въ другое вре-

мя. Пойдемъ въ садъ. Для меня всегда весело дѣлать тебѣ одолженіе.

Они не успѣли пройти къ концу алеи, какъ вдругъ захватилъ ихъ сильной дождь; что и принудило ихъ возвратиться въ горницы, къ великому сожалѣнію Эдуарда. Чтобъ его утѣшить, Карлъ предложилъ ему заняться чтенїемъ древней Исторіи. Поди прочь, какая мнѣ нужда въ твоихъ книгахъ, отвѣчалъ ему грубо Эдуардъ? Я не буду ученымъ: мнѣ должно быть Офицеромъ.

Карлъ.

Такъ чтожъ такое, развѣ ты думаешь, что познаніе Исторіи Офицеру не нужно?

Эми-

Эмилїя.

Прекрасной Офицеръ, коли только будетъ умѣть говорить о бомбахъ, да о пуляхъ!

Эдуардъ сдѣлалъ сестрѣ своей гримаску, и хотѣлъ насъ принудить начать какую нибудь игру вмѣстѣ съ Ванькою. Но Карлъ, который, не смотря на кроткой свой характеръ, имѣетъ весьма великую твердость духа, ему отвѣчалъ такъ: нѣтъ, братецъ, за мною дѣло не стало сдѣлать тебѣ давишнее удовольствїе. Дождикъ намъ помѣшалъ. И я предложилъ тебѣ другое увеселенїе, которое должно бы было тебѣ понравиться.. Тебѣ оно не прїятно; но оно прїятно сестрицѣ и моему другу; и я думаю, что должно лучше угодить разсудку, нежели твоему своенравїю.

Эдуардъ, зная, что братъ его не легко оставляетъ принятое свое намѣренiе, вышелъ тотчасъ вонъ съ насмѣшливымъ видомъ; и, не смотря на дождь, побѣжалъ играть съ большою Аглинскою собакою, которую онъ къ себѣ прiучилъ, чтобъ ее непрестанно дразнить. Онъ возвратился по томъ черезъ часъ, будучи вымоченъ до самаго тѣла, и вымаранъ грязью съ ногъ до головы. Что же касается до насъ, то мы прочитавши между тѣмъ жизнь Эпаминондову, которая принесла намъ величайшее удовольствiе, принялись за рисовку, и успѣли ее окончить. Послѣ обѣда вышелъ случай отослать наши рисунки къ Г. Грандиссону; а нынчѣ поутру мы имѣли щастiе услышать, что онъ ими былъ весьма доволенъ.

Но что онъ подумаетъ объ Элуардѣ, который ничего къ нему не послалъ? Это мнѣ очень досадно. Я бы все въ свѣтѣ отдалъ за то, чтобъ онъ былъ также хорошъ, любезенъ и старателенъ, какъ его братъ. Тогда-то бы щастїе его родителей было совершенно. Съ сожалѣнїемъ вижу я, сколько онъ имъ дѣлаетъ безпокойства. Ахъ, матушка! что со мною будетъ, естьли случится когда нибудь, что и я заставлю васъ печалиться? Но нѣтъ, успокойтесь. Когда я подумаю о вашей нѣжности ко мнѣ, то я чувствую все то, что долженъ дѣлать, чтобъ быть ея достойнымъ. Осмѣливаюсь вамъ сказать, что я никогда не приведу васъ въ неудовольствїе. Я слышу отсюду, что сестрица васъ въ

томъ же увѣряетъ; и за сіе доброе намѣреніе цѣлую ее мысленно. Прощайте, матушка!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Іюля 24.

Въ домѣ у насъ теперь больна одна служанка. Вы увидите, матушка, можно ли имѣть сердце чувствительнѣе и сострадательнѣе, какъ у доброй Эмиліи. Сего дня поутру она встала на самомъ разсвѣтѣ, чтобъ самой отнести питье къ бѣдной служанкѣ. Она прежде не успокоилась, пока служанка не выпила всего лѣкарства; ибо лѣкарь неотмѣнно приказалъ это исполнить. Смотря на нее, можно бы сказать, что она ходитъ, точно какъ за любимою

своею

своею сестрою. Какъ это хорошо въ молодой дѣвушкѣ, имѣть столько человѣколюбія? Эдуардъ захотѣлъ ее въ томъ укорять. Право тебѣ пристало, сказалъ онъ, самой смотрѣть за своею служанкою! Для чегожъ не такъ, братецъ, отвѣчала она? Вить ты въ кегли съ лакеями играешь? Естьли ихъ долгъ служить намъ, когда они здоровы, то намъ долгъ смотрѣть за ними, когда они больны. Да сверьхъ того, развѣ бѣдная Пегги не смотрѣла много разъ за мною, когда я была больна? Что я для нее дѣлаю, то это ничто въ разсужденіи того, что она для меня сдѣлала. Мнѣ кажется, что я бы на ея мѣстѣ весьма рада была, естьли бы мнѣ кто оказывалъ такое усердіе. Эдуардъ столько этимъ пристыженъ

былъ,

былъ, что вышелъ вонъ изъ комнаты. Ахъ! говорилъ я самъ себѣ, Эмилія то же дѣлаетъ, что и матушка. Когда бѣдная наша Нанета была больна лихорадкою, то матушка всегда за нею сама смотрѣла. Но сіе воспоминаніе производитъ во мнѣ печальныя мысли. Сколько слугъ въ этомъ домѣ? А у васъ, матушка, у васъ только одна служанка! Какъ вы нещастливы! Вы должны дѣлать премного такого, что столь мало прилично Полковничей вдовѣ. Все бы еще, естьли бы сестрица была велика, и могла вамъ помогать! Но нѣтъ; она еще болѣе васъ безпокоитъ. А я, что я здѣсь дѣлаю, вмѣсто того, чтобъ быть вмѣстѣ съ вами, помогать вамъ всѣми силами и васъ утѣшать? Эти мысли стѣсняютъ мое сердце.

це. Одно только уменьшаетъ теперь мою печаль, то есть, что, успѣвая въ ученіи, я вѣрно буду нѣкогда въ силахъ прекратить ваши нещастія. О, какъ меня ободряетъ сія пріятная надежда! Прощайте, матушка; цѣлую руки ваши съ слезами и радостію!

---

*Гжа. Д*** къ своему сыну.*

Августа 6.

Какъ я люблю Эмилію! Правда твоя, любезный сынъ, нѣтъ любезнѣе добродѣтели, какъ человѣколюбіе. Желательно бы было, чтобъ и всѣ молодыя дѣвицы воспользовались симъ примѣромъ; и вмѣсто того, чтобъ мучить лакеевъ, научились бы поступать съ ними ласково. Какъ не чувствовать удовольствія,

ствія, когда насъ любятъ всѣ окружающіе?

Но для чего ты огорчаешься, любезный сынъ, что у меня одна только служанка? Множество слугъ не составляетъ еще щастія, и служитъ болѣе для пышности, нежели для пользы. Всякой слуга имѣетъ нужду особо въ Господинѣ, и причиняетъ ему больше безпокойствъ и заботъ. Естьли бы я къ тому имѣла средства, то конечно бы у меня столько было слугъ, сколько бы требовало мое состояніе. Я бы считала своимъ долгомъ удовлетворять нужды сихъ нещастныхъ, которые могутъ страдать отъ праздности. Но какъ Богъ не благоволилъ надѣлить меня богатствами, то я не опасаюсь имѣть у себя одного только слугу. Онъ одинъ

для

для меня нуженъ. Я не требую ни отъ кого другаго услугъ, какъ отъ него.

Теперь скажи мнѣ, любезный сынъ, какія суть тѣ упражненія, которыя неприличны, говоришь ты, Полковничей женѣ? Видно ты не разсудилъ, что хотѣлъ сказать. Нѣтъ никакого стыда служить самому себѣ, когда не можешь награждать услугъ другаго. Не лучше ли тебѣ сказать послѣ смерти моей: мать моя приготовляла сама себѣ кушанье; одежды наши были дѣло рукъ ея; она едва ли могла доставлять намъ нужное; но она никому не была должна? Лучше, говорю, тебѣ это сказать, нежели слышать отъ другихъ сіи упреки: родители ваши жили такъ, какъ ихъ родъ и званіе требовало; они имѣли ве-

великолѣпный домъ, пышные мебели, множество слугъ; но они ничего вамъ не оставили, кромѣ долговъ. — Чтобы тогда былъ Полковничій сынъ? Презрѣнный молодой человѣкъ, который не смотря на свою невинность, претерпѣвалъ бы безчестіе своихъ родителей, между тѣмъ какъ самой простый Дворянинъ едва ли бы призналъ его за равнаго себѣ!

Я надѣюсь, что то, о чемъ я тебѣ говорила, довольно облегчитъ твою печаль; ибо даетъ тебѣ видѣть, что я совершенно довольна своею участію.

Впрочемъ, любезный сынъ, чувствительность твоего сердца, и свидѣтельства твоей любви извлекли изъ глазъ моихъ слезы радости. Хотя бы я была еще беднѣе, нежели теперь; но доволь-

вольно сочла бы себя богатою имѣть такого добродѣтельнаго сына. Прощай, другъ мой; не переставай слѣдовать щастливому своему расположенїю, и ты будешь утѣшенїемъ нѣжной твоей матери!

Сестра твоя живо была тронута твоимъ письмомъ; и я замѣтила, что она съ сей минуты еще болѣе старается, и еще лучше себя ведетъ. О любезныя дѣти! всегда ли вы будете поощрять другъ друга къ исполненїю своихъ должностей!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 11.

Ахъ, матушка, какое нещастїе! Я еще до сихъ поръ дрожу. Нѣтъ, я бы вамъ никакъ не

не могъ этого пересказать. Лучше послать къ вамъ письма, которыя писали о томъ Эмилїя и Карлъ къ своимъ родителямъ, вмѣстѣ съ полученными отвѣтами. Вы увидите, что человѣколюбїе живетъ во всемъ этомъ семействѣ. Прочтите ихъ, матушка, прочтите!

Эмилїя Грандиссонъ къ своей матери.

Августа 7.

Эту ночь, матушка, мы были въ великой разстройкѣ. Домъ Г. Фальстона, нашего сосѣда, весь сгорѣлъ. О какой ужасной пламень! Небо было красно, какъ кровь. Сердце у меня билось. Я плакала. Ахъ, какъ жалко видѣть отца, теряющаго все свое имѣнїе!

ніе! Какія предосторожности должно имѣть противъ пожара, когда отъ него въ одну минуту можетъ произойти такое нещастіе? Причина этому пожару молодыя дѣвицы Фальстонъ. Вчера ввечеру, чего никто и не примѣтилъ, пошли онѣ въ кухню за жаромъ, и отнесли его въ маленькую комнату, въ которую совсѣмъ не ходятъ, чтобъ тамъ тайно спечь хлѣбенную лепешку. Чрезъ полчаса послѣ того онѣ услышали, что батюшка ихъ звалъ. Онѣ поспѣшили съѣсть недопеченную лепешку, и ушли, не потуша огня. Скоро по томъ пришло время спать; и онѣ легли, не думая о тѣхъ угольяхъ, которые отнесли въ комнату. Огонь безъ сомнѣнія дошелъ до обоевъ, а по томъ до полу и мебелей. Наконецъ

въ два часа ночи, когда всѣ еще спали, домъ весь загорѣлся. Видно Богъ ихъ наказалъ за это! Какъ это можно, матушка, для того превратить въ прахъ весь домъ родительской, чтобъ съѣсть негодную лепешку? Теперь онѣ грустятъ, просятъ прощенія, и почти полумертвы отъ горести; но къ чему это служитъ? Огонь все сожегъ. Не льзя было спасти ни мебелей, ни бумагъ, ни денегъ. Сами молодыя дѣвицы едва ли могли успѣть выбѣжать въ однихъ юпкахъ; самъ Г. Фальстонъ былъ въ опасности лишиться жизни. Онъ жестоко обожженъ во многихъ мѣстахъ на тѣлѣ, и вѣрно бы погибъ среди пламени безъ мужества одного своего слуги. Чѣмъ теперь будутъ гордиться эти молодыя дѣвицы? Вчера

онѣ

онѣ были богаты; а нынчѣ бѣдны! Вчера съ крестьянами онѣ поступали презрительно, потому что у нихъ нѣтъ такихъ домовъ; а сегодня за щастіе считаютъ, что сіи самые крестьяне принимаютъ ихъ въ свои избы. Какъ скоро можно быть униженнымъ! Въ самомъ дѣлѣ весьма дурно поступать жестоко съ низшими себя, когда столь ясно видно, какую нужду можно имѣть въ милосердіи всякаго званія людей!

Это письмо уже такъ длинно, что я боюсь обезпокоить васъ, матушка. Однакожъ, хотя я и не смѣю сказать, что сдѣлала, но имѣю еще нѣчто вамъ объявить. Простите ли въ этомъ вашу Эмилію? О конечно! вы добры и милосерды! Одежды этихъ дѣвицъ всѣ погорѣли. Онѣ

не могли спасти ни одного платья. Я послала самой меньшой изъ нихъ, которая почти одного со мною росту, свою кофточку и бѣлье. Я бы послала ей и больше; но платье все ваше, и я не могу располагать имъ безъ вашей воли. Сдѣлайте милость, не браните меня за это. Впередъ буду я гораздо бережливѣе въ своихъ игрушкахъ. Вы не имѣете нужды дѣлать мнѣ снова то, что я отдала. Благодаря вашимъ милостямъ, я имѣю еще много платья. Прощайте, матушка. Поцѣлуйте за меня батюшку, и будьте увѣрены въ моемъ почтенiи и любви!

Карлъ Грандиссонъ къ своему отцу.

Августа 8.

Я осмѣливаюсь, батюшка, покорнѣйше васъ просить о нещастной фамилiи. Не уже ли вамъ противно будетъ сiе движенiе моего сердца? О конечно нѣтъ. Ваше сердце весьма чувствительно и великодушно!

Въ письмѣ Эмилiиномъ къ матушкѣ вы изволили видѣть, какое нещастiе произошло съ Г. Фальстономъ. Но тутъ еще не все. Эмилiя вамъ говорила только о домѣ и уборахъ; но онъ теперь же лишается и своей земли. Заимодавцы не притѣсняли его, когда онъ былъ богатъ. Теперь же, когда долги его кажутся не такъ достовѣрны, они хотятъ, чтобъ имъ запла-

чены они были непремѣнно; и уже грозили ему, что продадутъ съ аукцїону и оставшееся его имѣнїе. Я теперь его посѣщалъ, и онъ сказывалъ при мнѣ Прокурору Нельсону, что долги его простираются только до двухъ сотъ фунтовъ стерлинговъ. Эта сумма не велика. Неужели послѣ претерпѣнїя столь великаго нещастїя, долженъ онъ лишиться послѣдняго средства воспитать своихъ дѣтей, и впасть въ крайнюю бѣдность при своей старости? Боже насъ сохрани, чтобъ мы это стерпѣли! Вотъ, батюшка, что я думалъ. Дядюшка при смерти отказалъ мнѣ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ. Эта сумма для меня очень велика. Она въ вашихъ рукахъ, и вы можете ею располагать. Вѣрно я могу обой-

обойтись безъ двухъ сотъ фунтовъ, чтобъ извлечь честнаго человѣка изъ нещастія. Я и безъ нихъ довольно буду богатъ, а особливо, когда вы прибавляете къ этимъ деньгамъ ежегодные проценты. Сдѣлайте милость, батюшка, не откажите мнѣ въ сей прозьбѣ? Это мнѣ принесетъ гораздо большее удовольствіе, нежели всякое другое употребленіе двухъ сотъ фунтовъ стерлинговъ. О, естьлибъ я могъ сохранить отъ нищеты бѣднаго старика и двухъ дочерей: какъ бы я былъ щастливъ! Позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ походить нѣсколько на васъ. Не своимъ ли вы примѣромъ научаете меня быть благодѣтельнымъ? Естьли бы вы были здѣсь, то бы я бросился къ вашимъ ногамъ, просилъ васъ неотступно.

но. . . . Но довольно сего. Вы по своему благоразумію можете рѣшить, справедлива ли моя прозьба, или нѣтъ. Долгъ мой есть совершенно предаться въ вашу волю, высоко почитать ваши добродѣтели, и нѣжно васъ любить.

Покорно прошу засвидѣтельствовать милостивой государынѣ матушкѣ чувствованія моего къ ней почтенія и любви!

Г. Грандиссонъ къ своему сыну.

Августа 9.

Отъ меня, говоришь ты, любезный сынъ, ты научаешься благодѣтельствовать. Это правда; я всегда искалъ случая поселить въ твоемъ сердцѣ чувствительность къ нещастіямъ ближ-

ближнихъ. Человѣколюбіе, сверхъ того удовольствія, которое мы отъ него чувствуемъ, дѣлаетъ насъ пріятными въ очахъ Всевышняго Существа. Прозьба твоя есть свидѣтельство великодушія твоего сердца; и похвальная сія прозьба заслуживаетъ должное награжденіе. Чувствованія, которыми ты проникнутъ несравненно для меня важнѣе, нежели двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Въ семъ письмѣ найдешь ты росписку, по которой можно получить сіи деньги изъ Банковой Конторы. Поспѣшай облегчить печаль нещастнаго Фальстона, и насладись удовольствіемъ благородной души. Но что касается до имѣнія, отказаннаго тебѣ дядею, то изъ насъ ни тотъ, ни другой не можетъ имъ пользоваться, до тѣхъ поръ, пока

ты не будешь въ совершенныхъ лѣтахъ Сїе имѣнїе берегу я, такъ какъ твой опекунъ, а не какъ отецъ Прощай, любезный сынъ; мы тебя цѣлуемъ съ матерью заочно, и еще болѣе любимъ, нежели прежде.

Гжа. Грандиссонъ къ своей дочери.

Августа 8.

Естьли бы я была съ тобою, любезная Эмилїя, съ какимъ бы восхищенїемъ прижала тебя къ своему сердцу! Такъ, я совершенно хвалю тебя за помощь, оказанную молодой дѣвицѣ Фальстонъ въ ея нещастїи. Въ награду за сїе хочу я тебѣ доставить новое удовольствїе, сдѣлать доброе дѣло. Въ гардеробѣ моемъ сыщешь ты кусокъ

матерíи, которой я опредѣлила было для себя. Изъ него можетъ вытти по платью на прочихъ двухъ дѣвицъ. Какъ я знаю доброе сердце моей Эмилíи, то это намѣренíе принесетъ ей гораздо большее удовольствíе, нежели, когда бы я его употребила въ ея пользу. Прощай, любезная дочь! Не забывай никогда того наставленíя, которое ты сама себѣ сдѣлала въ своемъ письмѣ, чтобъ никакъ не гордиться богатствами сего мíра: ибо одна ночь можетъ насъ ихъ лишить; и никакъ не презирать ближнихъ: ибо ты можешь имѣть нужду въ ихъ помощи тогда, когда наименѣе отъ нихъ ее ожидаешь. Имѣй всегда предъ глазами то странное произшествíе, которое ты мнѣ описала. Помышляй непрестанно,

сколь опасно играть съ огнемъ, когда отъ одной искры часто зависитъ наше нещастіе и самая наша смерть!

Поклонись отъ меня Вильгельму и своимъ братьямъ. Надѣюсь, что скоро буду имѣть удовольствіе васъ обнять, и показать тебѣ особливо тѣ чувствованія, которыми я проникнута отъ твоего поступка.

Карлъ Грандиссонъ къ своему отцу.

Августа 12.

Я спѣшу, милостивый государь батюшка, отвѣчать вамъ на милостивое ваше письмо. Естьлибъ вы увидѣли, какую благодарность оказывалъ мнѣ Г. Фальстонъ, то бы вы заплакали отъ ра-

радости, такъ какъ и я. Когда онъ обнималъ и прижималъ меня къ своему сердцу, то слезы ручьемъ катились изъ глазъ его. Ахъ, вѣрно эти слезы были для него пріятны, когда мои приносили мнѣ такое удовольствіе. Я долженъ увѣдомить васъ обо всемъ, что сдѣлалъ. Г. Фальстонъ; какъ вы знаете, своимъ характеромъ нѣсколько горделивъ, и онъ бы счелъ за низость получить помощь, которая въ такомъ случаѣ имѣла бы видъ щедрости. Я сказалъ ему, что эти деньги можно отдать ему въ долгъ, который онъ тогда возвратитъ, когда захочетъ. Онъ захотѣлъ мнѣ дать въ нихъ росписку: и я ее принялъ, но при немъ же разодравши ее, сказалъ, что я полагаюсь на одно его слово, дабы дать ему знать,

что

что въ разсужденіи этихъ денегъ онъ никакъ не долженъ заботиться. Естьлибъ мнѣ можно было скрытно положить вашу росписку въ его табакерку, то бы это для меня было гораздо пріятнѣе, потому что онъ никогда бы не зналъ, откуду идетъ ему эта помощь; но сія хитрость мнѣ не удалась.

Какое, батюшка, доставили вы мнѣ пріятное удовольствіе! И съ какимъ усердіемъ желаю я обнять ваши колѣна и поблагодарить васъ за него достойно!

Скажите, сдѣлайте милость матушкѣ, что Эмилія исполнила ея приказаніе. Она лучше захотѣла лишиться на нѣкоторое время забавъ, нежели помедлить минуту въ оказаніи добраго дѣла: и благодаря ея прилѣжности, служанки сшили двѣ пары платья

въ одинъ день, и Эмилія ихъ уже отослала.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы того дня, въ которой мы увидимъ нашихъ родителей, столь достойно заслуживающихъ наше почтеніе и любовь.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 12.

Ахъ, матушка, у Карла нога обожжена. Причиною тому Эдуардъ по своей рѣзвости. Онъ опрокинулъ на него чашку кипятку. А не знаю, могъ ли бы кто показать болѣе терпѣнія и снисходительности въ семъ случаѣ, какой мой другъ. Другой бы разсердился на своего брата, и сталъ его укорять. Карлъ,

напротивЪ того старался сколько можно скрывать отЪ него боль, которую чувствовалЪ. Это ничего, сказалЪ онЪ; мнѣ не слишкомЪ больно; не огорчайся, ЭдуардЪ, сдѣлай милость. ОднакожЪ мы скоро увидѣли, что ему гораздо больнѣе было, нежели какЪ онЪ сказывалЪ: ибо нога его такЪ распухла, что должно было разрѣзать ему чулки, чтобЪ разуть. Эмилія заливалась слезами. Видишь ли ты, сказала она Эдуарду, что ты своимЪ бѣшенствомЪ надѣлалЪ. Ты бы могЪ сдѣлать своего брата навсегда хромымЪ. Право я бы желала, чтобЪ это нещастіе обратилось на тебя. НѣтЪ, лучше пускай оно не обращается ни на кого, сказалЪ КарлЪ, перервавши рѣчь своей сестры. Не безпокойся, любезная Эмилія;

это

это нестоитъ того. Я скоро вылѣчусь. Эдуардъ сдѣлалъ это не по какому нибудь злому намѣренiю. Это было нещастiе; и хотя бы оно гораздо болѣе было, то должно однакожъ утѣшиться. Нѣтъ, отвѣчала Эмилiя, я ему никогда не прощу за эту рѣзвость. Посмотри-ка на него, вонъ онъ стоитъ, какъ дубъ, вмѣсто того, чтобъ скорѣе послать за лѣкаремъ. Я въ немъ нужды не имѣю, отвѣчалъ Карлъ. Подайте мнѣ только салфетку, да свѣжей воды. Я обмою свою ногу, и раны черезъ нѣсколько дней видно не будетъ. Но, продолжалъ онъ, оборотясь ко мнѣ и Эмилiи, Г. Бартлетъ скоро прiѣдетъ: не сказывайте, сдѣлайте милость, ему, что Эдуардъ замѣшался въ этомъ дѣлѣ. А ты, братецъ, подай мнѣ

 свою

свою руку, и поцѣлуй меня. Огорченіе твое для меня гораздо чувствительнѣе будетъ, нежели эта маленькая рана, отъ которой мнѣ уже почти небольно.

Какое щастіе владѣть такъ самимъ собою! Говори кто хочешь, что Карлъ имѣетъ право, и всякъ сдѣлалъ бы то же на его мѣстѣ; но я чувствую, что его ничто не можетъ огорчить, хотя гнѣвъ и никакой не дѣлаетъ боли. Однакожъ, матушка, удовольствіе къ вамъ писать, заставило меня было забыть, что Карлъ просилъ меня посидѣть у него. Прощайте, милостивая государыня матушка! Я васъ оставляю, и пойду къ своему другу. Цѣлую мысленно сестрицу, и прошу ее нашею дружбою и любовію, чтобъ она береглась

кипятку. Она вѣрно будетъ себя вести хорошо отъ этого знака привязанности и любви, которой я къ ней оказываю.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 14.

Бѣдный Карлъ! ужъ два дни нога его лежитъ на подушкѣ. Я думаю, что ему очень больно, хоть онъ и говоритъ, что не слишкомъ. Эмилїя спрашивала его вчера, не печалится ли онъ о томъ, что ходить не можетъ? — Къ чему мнѣ печалиться? Мнѣ бы еще больнѣе отъ этого было. Лучше же надѣяться, что скоро вылѣчусь. Да впрочемъ, не стыдно ли бы мнѣ было, естьли бы не могъ снести столь

малаго нещастія? Въ жизни можетъ со мною случиться сто разъ хуже, и сіи легкія бѣды научаютъ меня заблаговременно быть мужественнымъ, когда случатся гораздо большія. Но, сказала Эмилія: это однакожъ очень досадно, чтобъ страдать отъ вины другаго. Правда твоя, отвѣчалъ Карлъ, я бы желалъ, чтобъ это было отъ меня самаго: братъ мой не столько бы этимъ огорчался.

Эмилія.

Но нескучно ли тебѣ оставаться въ комнатѣ, не двигаясь съ мѣста?

Карлъ.

Какъ могу я скучать, когда имѣю удовольствіе видѣть столь трогательные знаки твоей дружбы?

Эми-

Эмилїя.

Покорно благодарю, братецъ, что ты это примѣчаешь. Но вить очень немного стоило, чтобъ нога твоя совсѣмъ не была обожжена.

Карлъ.

Это-то и должно утѣшить меня въ семъ нещастїи. Жалуйся сколько хочешь на судьбу, когда видишь множество такихъ людей, которые во всю жизнь хромаютъ на костыляхъ.

Эмилїя.

Право, я думаю, ты бы и тогда нашелъ какїя нибудь причины утѣшаться, когда бы должно было отрѣзать тебѣ ногу.

Карлъ.

Не къ чему тебѣ говорить, чтобы я тѣмъ весьма огорченъ

 былъ

былЪ. ОднакожЪ какЪ это нещастїе случилось бы со мною по волѣ Божїей, то я бы старался покорить Ему свою волю, и получить отЪ Него нужныя на то силы.

КаковЪ КарлЪ, матушка? Поступать такЪ, какЪ онЪ, не одно ли средство переносить всѣ нещастїя? Я еще помню тотЪ печальной день, вЪ которой я лишился своего батюшки. Вы плакали; я былЪ вЪ отчаянїи: но наши вздохи и слезы не могли возвратить ему жизни. Тогда взяли вы меня за руку, и сказали: поди, любезный сынЪ, станемЪ просить всемогущаго Бога, чтобЪ ОнЪ насЪ утѣшилЪ. Я скоро увидѣлЪ, что вы стали спокойнѣе, и самЪ почувствовалЪ, что печаль моя облегчена была молитвою. ВотЪ лучшее сред-

средство ко всякому утѣшенію! Я буду себя покорять волѣ Божїей во всемъ томъ, что ни случится, и надѣясь, что тогда буду имѣть всѣ силы къ пренесенію нещастій, думая, что такъ хочетъ Богъ, которому я всякой день говорю: *да будетъ воля твоя*!

Но зачѣмъ я началъ говорить вамъ о такихъ печальныхъ вещахъ, когда обѣщался приносить одно только удовольствіе. Мнѣ извѣстно одно въ томъ утѣшеніе: возмите въ руки сестрицу, поцѣлуйте ея, и поговорите ей о своей и моей любви; то я увѣренъ, что одна ея нѣжная улыбка возвратитъ вамъ спокойствіе и щастіе.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 18.

Г. и Гжа. Грандиссонъ прiѣхали, матушка. Мы такъ ради тому, что я не могу вамъ сказать. Самые лакеи весьма веселы. Не знакъ ли это ихъ добродѣтели, когда и лакеи такъ радуются о возвращенiи своихъ господъ? Я рѣшился, когда выросту, быть также человѣколюбивымъ, какъ и Г. Грандиссонъ: ибо какъ это весело, когда насъ всѣ любятъ? Но я еще долженъ поговорить вамъ о другѣ своемъ Карлѣ. Г. Бартлетъ спрашивалъ насъ нынѣ поутру, не хотимъ ли мы послѣ завтрака прогуляться въ саду. Хотя Карлу теперь гораздо легче, но онъ просилъ насъ, чтобъ мы его не принуждали итти съ собою.

бою. Нога моя еще не совсѣмъ вылѣчилась, сказалъ онъ; а мнѣ хочется, чтобъ батюшка и матушка по возвращенїи своемъ не могли этого примѣтить. Когда я пойду теперь гулять, то нога моя можетъ быть почувствуетъ усталость, и родители мои не преминутъ того примѣтить. Это конечно ихъ огорчитъ. Лучше же мнѣ лишиться удовольствїя итти съ вами гулять, нежели причинить имъ малѣйшее огорченїе. Ты правду говоришь, отвѣчалъ Г. Бартлетъ; и я похваляю столь нѣжную твою предосторожность. Она дѣлаетъ честь твоему сердцу. И такъ Карлъ остался въ своей комнатѣ. Г. Бартлетъ, Эдуардъ, Эмилїя и я, пошли прогуливаться до самаго обѣда. По возвращенїи мы нашли Карла

въ нижнемъ этажѣ въ залѣ. Намъ очень чудно было, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, не говоря намъ ни слова. Ему еще нѣсколько было трудно сходить по лѣстницѣ. Но удовольствіе встрѣтить батюшку и матушку весьма стоитъ, сказалъ онъ намъ, маленькой боли. Онъ велѣлъ подать на столъ попожже, чтобъ мы тѣмъ свободнѣе принять могли его родителей. Съ какою скоростію выбѣжалъ онъ на дворъ, когда мы услышали, что пріѣхала коляска? Съ какою радостію бросился онъ въ объятія батюшки и матушки? Онъ не могъ вырваться, чтобъ и намъ дать мѣсто. Вы бы удивились, увидя съ какою пріятностію и почтеніемъ подалъ онъ своей матушкѣ руку, чтобъ ее свести въ залу. Это привело

мнѣ на мысль, какую и я буду чувствовать радость, когда возвращусь къ вамъ. Ахъ! Она также будетъ сильна, какъ и Карлова. Я вамъ въ томъ отвѣчаю. Но надобно разсказать вамъ разговоръ, который теперь же имѣлъ онъ съ своимъ братомъ. Вы и безъ меня можете судить, служитъ ли онъ ему въ похвалу.

Г. и Гжа. Грандиссонъ пошли скидать дорожное свое платье; а мы, Эдуардъ, Карлъ Эмилія и я, остались въ залѣ. Карлъ попросилъ сестру, чтобъ она проиграла намъ какую нибудь пѣсенку на клавикордахъ. Эмилія согласилась на то съ великимъ удовольствіемъ; но только что начала играть, то вдругъ мы услышали, что упала

ла какая то фарфоровая посуда, и разбилась въ куски.

Эдуардъ.

Вотъ еще что то разбито! Какіе это лакеи бездѣльники!

Карлъ.

Не обвиняй ихъ, братецъ, такъ скоро. Мы еще не знаемъ ихъ ли это вина.

Эдуардъ.

Я знаю, что посуда разбита въ куски. Эти люди ходятъ такъ за посудою, какъ будто бы она ничего не стоила.

Карлъ.

Я пойду, посмотрю. Мнѣ кажется, что бѣда не такъ велика.

Эдуардъ.

Ручаешься ли ты, Эмилія, чтобъ онъ чего нибудь не сыскалъ къ извиненію виноватаго?

Эми-

Эмилїя.

Это бы очень было хорошо, братецЪ. Развѣ тебѣ не прїятно, когда кто нибудь вЪ твоемЪ проступкѣ за тебя заступается? ОтЪ сколькихЪ наказанiй избавилЪ насЪ КарлЪ, того и другаго? Поставь себя на мѣсто бѣднаго лакея.

Эдуардъ.

ПосмотримЪ. Вѣрно КарлЪ будетЪ за него стоять, какЪ будто ничего не случилось.

Эмилїя.

КарлЪ никогда не лжетЪ. ОнЪ поступитЪ вЪ этомЪ дѣлѣ другимЪ образомЪ.

Эдуардъ.

Да вотЪ онЪ и идетЪ. По его виду, кажется, что онЪ самЪ сдѣлалЪ проступокЪ.

Эмилїя.

Это доказываетъ доброе его сердце.

Эдуардъ (къ Карлу.)

Ну, что тамъ такое; не правду ли я сказалъ, что эта посуда разбилась въ куски?

Карлъ.

Я тебѣ въ этомъ и не противорѣчилъ. Разбита тарѣлка.

Эдуардъ.

Ты такъ говоришь, какъ будто она ничего не стоитъ.

Карлъ.

Когда бы бѣда и еще большая случилась, то все должно ее сносить.

Эдуардъ.

Естьли бы я былъ на мѣстѣ матушки, то бы я принудилъ этого глупца хорошо заплатить за фарфоръ.

Карлъ.

Это бы было нѣсколько строго въ разсужденіи лакея, который живетъ однимъ жалованьемъ.

Эдуардъ.

Это бы научило его быть посмотрительнѣе.

Карлъ.

Но развѣ ты, Эдуардъ, ничего не дѣлалъ по неосторожности, и увѣренъ ли ты, что и впредь не будешь ничего дѣлать?

Эмилія.

Только бы не опрокидывать кипятку на ноги.

Эдуардъ (Эмиліи)

За чѣмъ ты мѣшаешься не въ свои дѣла? (*Карлу*) Послушай Карлъ, естьли я что нибудь и разобью, то по крайней мѣрѣ это наше добро.

Карлъ.

Извини, братецъ. Родительское имѣніе не есть наше. У насъ еще ничего своего нѣтъ.

Эдуардъ.

Естьли ты сдѣлаешься когда нибудь господиномъ, то я вижу, что твои лакеи будутъ имѣть право бить все, что ни захотятъ.

Карлъ.

Что ни захотятъ, говоришь ты? Я не думаю, чтобъ были такіе лакеи, которые бы разбивали что нибудь нарочно. Это всегда случается по нещастію; а въ семъ случаѣ они всегда, мнѣ кажется, должны получить прощеніе.

Эдуардъ.

Вотъ право рѣдкое великодушіе! Неосторожный слуга никогда

когда у тебя ничего худаго не будетъ дѣлать.

Карлъ.

Надѣюсь; — однакожъ я буду стараться не принимать къ себѣ неосторожныхъ лакеевъ, и выбирать изъ нихъ лучшихъ. Впрочемъ, кто изъ нихъ разобьетъ что нибудь, то я ему прощу, какъ будто бы самъ это разбилъ.

Эдуардъ.

Но мнѣ, кажется, батюшка и матушка должны знать, что у нихъ разобьется.

Карлъ.

И я также намѣренъ о томъ ихъ увѣдомить; но вмѣстѣ попросить за виноватаго прощенія.

Эдуардъ.

Да кто это разбилъ, Ванька ли, или Артуръ?

 Карлъ

Карлъ.

Ни тотъ ни другой; а что естьли я скажу, что это ты, братецъ?

Эдуардъ.

Я? Это что-то новое.

Карлъ.

Когда ты пошелъ нынчѣ прогуливаться, то не покрошилъ ли ты хлѣба своей собакѣ въ фарфоровой тарѣлкѣ? И не поставилъ ли ты ее въ кладовой на скамьѣ?

Эдуардъ.

Это правда; но чтожъ изъ этого выходитъ?

Карлъ.

Лакей пошелъ взять эту скамейку безъ свѣчи, и бравши ее, уронилъ тарѣлку, которая была на ней.

Эдуардъ.

Такъ чтожъ, развѣ это моя вина? Развѣ я виноватъ, что онъ пошелъ шарить туда безъ свѣчи?

Эмилія.

Это онъ дѣлаетъ всякой день. Видишь ли, братецъ, вездѣ ты виноватъ? Тарѣлка была не на своемъ мѣстѣ; а лакею почему знать, что она была на скамьѣ?

Эдуардъ.

Ты всегда, сударыня, мѣшаешься въ чужія дѣла. Но послушай, Карлъ. Батюшка и матушка еще не слыхали ничего; и имъ нѣчего и говорить объ этой тарѣлкѣ.

Карлъ.

Какъ, Эдуардъ! ты только что желалъ, чтобъ они знали объ этой бѣдѣ. А теперь хо-

чешь, чтобъ они этого не знали, потому что ты виноватъ. Это несправедливо. Ты легко получишь за то прощенїе: дѣло маловажно. Смотри теперь, братецъ, должны ли мы желать столько зла лакею за какую нибудь маленькую неосторожность, когда сами такъ часто бываемъ виноваты?

Карлъ не успѣлъ кончить свою рѣчь, какъ сошли внизъ Г. и Гжа Грандиссонъ. Онъ разсказалъ имъ объ этой тарѣлкѣ съ такою прїятностїю и искусствомъ, что должно было болѣе смѣяться, нежели сердиться. Эдуардъ весьма обрадовался, что онъ съ такимъ умомъ вывелъ его изъ замѣшательства. Ахъ, матушка! какое щастїе имѣть такого брата, каковъ мой другъ! Я надѣюсь, что сестрица будетъ у васъ

за

за меня хорошимъ стряпчимъ; естьли я буду когда нибудь имѣть нужду въ ея краснорѣчiи, чтобъ оправдаться предъ вами въ какомъ либо проступкѣ!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 22.

Нынѣ, матушка, мнѣ не о чемъ къ вамъ писать; но я надѣюсь, что завтра будетъ о чемъ. Это день рожденiя Карлова. Эдуардъ сказалъ мнѣ, что мы будемъ веселиться, какъ цари, потому что братъ его обыкновенно въ этотъ день угощаетъ всѣхъ молодыхъ людей нашихъ лѣтъ, живущихъ въ окрестностяхъ деревни. Напротивъ того Эмилiя увѣряетъ, что онъ никого этотъ годъ не позоветъ, и уже намѣренъ на тѣ деньги,

которыя дастЪ ему отецЪ, накупить веселыхЪ и нравоучительныхЪ книгЪ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобЪ онЪ это послѣднее сдѣлалЪ. Гости уѣзжаютЪ, когда вечерЪ пройдетЪ, но книги всегда будутЪ сЪ нами.

Мнѣ кажется, что я не измѣню его довѣренности, когда скажу вамЪ, что онЪ втайнѣ кормитЪ прекрасную канарейку для своей сестрицы, пока она не получитЪ чижика отЪ своей тетки. ОнЪ прїучаетЪ ее сЪ нѣсколькихЪ дней ѣсть изЪ своей руки, и летать изЪ клѣтки по комнатѣ. Эмилїя не ожидаетЪ себѣ этого подарка, и весьма будетЪ рада, когда его получитЪ. Канарейка начинаетЪ уже повторять ея имя. Я самЪ также хочу вскормить одну канарейку, которая бы безпрестанно повторяла

ряла ваше и сестрицыно имя. Хотя я въ томъ нужды и не имѣю, чтобъ она напоминала мнѣ объ васъ; однакожъ это будетъ для меня такое удовольствіе, отъ котораго буду я столько щастливъ, сколько можно быть, будучи удаленъ отъ тѣхъ, кого я люблю болѣе всего на свѣтѣ.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 24.

Ахъ, матушка, какъ вы будете довольны моимъ другомъ! Онъ денегъ своихъ не употребилъ ни на то, чтобъ угостить молодыхъ своихъ сосѣдовъ, ни на то, чтобъ накупить книгъ. Онъ ихъ употребилъ совсѣмъ иначе. Но сперва должно раска-

сказать вамЪ разговорЪ его сЪ батюшкою.

Мы нынчѣ поутру встали очень рано. У насЪ положено, чтобЪ всякой день по одной или по двѣ исторїи читать изЪ Ветхаго Завѣта прежде завтрака. Г. ГрандиссонЪ вошелЪ кЪ намЪ вЪ комнату во время нашего чтенїя. КарлЪ тотчасЪ вставши со стула, поздравилЪ своего родителя, и поцѣловалЪ ему руку.

Карлъ.

Доброй день, батюшка; хорошо ли вы спали эту ночь?

Г. Грандиссонъ.

Очень хорошо, любезный сынЪ; да и ты также, что вижу. Но продолжай, пожалуй; я не хочу вамЪ мѣшать вЪ чтенїи.

Карлъ.

Карлъ.

Я боюсь, батюшка, пристойно ли будетъ читать передъ вами, когда вы меня удостоили своего посѣщенія.

Г. Грандиссонъ.

Должность все превосходитъ. Я буду очень радъ, когда тебя услышу.

Карлъ.

Очень хорошо, батюшка.

Онъ пошелъ за стуломъ для своего отца, и потомъ началъ читать громко. Когда чтеніе было окончено, то Г. Грандиссонъ оказалъ ему свое удовольствіе, что онъ такъ хорошо читаетъ. Это такое дарованіе, прибавилъ онъ, которое труднѣе пріобрѣтается, нежели думаемъ. Большая часть читателей, не обращая вниманія на смыслъ, произносятъ слова ли-

бо въ носъ, либо на распѣвъ. Исторїю особливо должно читать такъ, какъ бы сами мы ее разсказывали. — Но нынѣ день твоего рожденія, Карлъ, и я пришелъ тебя поздравить.

Карлъ.

Покорно благодарю, батюшка. Позвольте мнѣ обнять васъ, и засвидѣтельствовать вамъ мою благодарность. Сей день приводитъ мнѣ на память все то, чѣмъ я обязанъ вамъ и матушкѣ за всѣ ваши благодѣянія.

Г. Грандиссонъ.

Мы уже за нихъ награждены хорошимъ твоимъ поведеніемъ. Продолжай любезный сынъ исполнять свои должности; и да благоволитъ Богъ, чтобъ мы къ совершенному нашему благополучїю были свидѣтелями твоего щастія!

Карлъ.

Карлъ.

Я всѣми силами буду стараться сдѣлаться достойнымъ такого желанія. Удостойте меня своихъ наставленій; и я ничего не упущу, чтобъ ими сколько можно лучше воспользоваться. Но прежде, нежели я начну новой годъ своей жизни, я долженъ попросить у васъ прощенія во всѣхъ поступкахъ, которые сдѣлалъ я въ прошедшіе годы.

Г. Грандиссонъ.

Я не помню, чтобъ я когда нибудь имѣлъ случай на тебя досадовать. Это я говорю тебѣ не для того, чтобъ ты возгордился, но для того, чтобъ тебя еще болѣе поощрять къ добру. Этотъ день есть день щастія. Я хочу, чтобъ ты проводилъ его въ радости. Вотъ

тебѣ

тебѣ бумажка, употреби ее, когда хочешь, на угощенiе лучшихъ твоихъ друзей. Теперь уже около девяти часовъ. Одѣнься поскорѣе, и приди къ намъ съ Вильгельмомъ. Мать ожидаетъ тебя. Прощайте; я пойду сказать ей объ васъ.

Ахъ, матушка, какъ прiятно быть достойнымъ любви своего отца! Какъ радовался Г. Грандиссонъ о своемъ сынѣ? Слезы радости и нѣжности навертывались у него на глазахъ. Но какъ же и грусно для добрыхъ отцевъ имѣть у себя недостойныхъ дѣтей? Я всегда буду слѣдовать примѣру моего друга. Самъ Богъ долженъ его любить. — Сколько бы я вамъ еще сказалъ, когда бы мое письмо не было уже слишкомъ длинно! Но вы все узнаете: завтра

ра начну я писать другое письмо поутру. Как бы я желал быть съ вами, чтоб засвидѣтельствовать безмѣрную мою къ вамъ любовь. Я всегда опасаюсь, что мои письма довольно вамъ ее не оказываютъ. О, когда бы вамъ изъяснила ее сестрица, имѣя щастія васъ обнимать! Такъ, матушка, любите меня въ ней! Мои объятія то же, что и ее. Мы составляемъ одно сердце, чтобъ больше васъ любить.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 25.

Я начинаю, матушка, то письмо продолжать, котораго я вчера не докончилъ.

Пре-

Прежде нежели мы пошли завтракать, Карлъ развернулъ бумажку, которую ему далъ батюшка. Онъ нашелъ въ ней десяти рублевую ассигнацiю. Никогда еще у него не бывало вдругъ столько денегъ. Онъ немного думалъ самъ съ собою. Вильгельмъ, сказалъ онъ мнѣ, я хочу знать твои мысли. У насъ въ окрестностяхъ мало такихъ молодыхъ людей, которые бы своимъ сообществомъ могли принести намъ удовольствiе. Большая часть изъ нихъ столько вѣтрены, что въ компанiи дѣлаются несносны. У одного только молодаго Френдли характеръ согласенъ съ моимъ; но онъ три дни уже тому назадъ, какъ отправился съ матерью въ Лондонъ. Какъ ты мнѣ совѣтуешь употребить эти деньги? Естьли

ли бы я былЪ на твоемЪ мѣстѣ, сказалЪ я ему, то я бы сберегЪ ихЪ на покупку чего нибудь полезнаго. Два, три часа поиграть, или потанцовать, очень скоро проходятЪ, вмѣсто того, что эстампы или книги забавляли бы насЪ на всякой день. ОднакожЪ, перервалЪ онЪ, не скучно ли тебѣ будетЪ, когда мы нынѣшнїй вечерЪ будетъ забавляться одни, такЪ какЪ обыкновенно? Конечно нѣтЪ, отвѣчалЪ я ему; твое присутствїе одно довольно для моего щастїя. ВЪ семЪ случаѣ, сказалЪ онЪ, обнявши меня, я могу слѣдовать первымЪ моимЪ мыслямЪ. По томЪ пошли мы вЪ залу. Гжа. ГрандиссонЪ поцѣловала своего сына со всею нѣжностїю, и поздравила его сЪ праздникомЪ. Послѣ завтрака мы остались одни сЪ Г. Грандис-

сономъ. Карлъ взявши за руку своего отца, сказалъ ему:

Могу ли я, батюшка, спросить васъ о какомъ-то дѣлѣ?

Г. Грандиссонъ.

О какомъ, любезный сынъ?

Карлъ.

Какъ вы думаете, непремѣнно ли я долженъ угостить своихъ сосѣдей?

Г. Грандиссонъ.

Это зависитъ отъ тебя одного.

Карлъ.

Такъ я по своей волѣ могу употребить тѣ деньги, которыя вы мнѣ пожаловали?

Г. Грандиссонъ.

Конечно.

Карлъ.

А, естьли такъ, то я знаю, какъ отпраздновать день моего рожденія.

Г.

Г. Грандиссонъ.

Могу ли я имѣть твою довѣренность?

Карлъ.

Для меня нѣтъ ничего прiятнѣе, батюшка, какъ сказывать вамъ мои мысли; но я боюсь, чтобъ вы не похулили моего намѣренiя.

Г. Грандиссонъ.

Нѣтъ, не опасайся ничего. Я никогда не видалъ, чтобъ ты худо употребилъ свои деньги. Ты можешь сдѣлать изъ нихъ что хочешь; я тебя одобряю прежде. Посмотримъ, что-то ты себѣ купишь.

Карлъ.

Извините, батюшка, я ни въ чемъ нужды не имѣю. По милости вашей у меня все есть

съ избыткомъ. Я намѣренъ дать праздникъ. Но знаете ли вы, кого я выбралъ на него? Бѣдныхъ нашихъ сосѣдей! Я досталъ себѣ списокъ всѣхъ честныхъ фамилїй, которыя недостаточны; какъ эти бѣдныя обрадуются маленькому моему празднику? Сыновья богатыхъ нашихъ сосѣдей имѣютъ съ излишкомъ все то, что и я; но тѣ, которыхъ я нынчѣ хочу угостить, иногда цѣлые дни бываютъ безъ хлѣба. Какъ они будутъ радоваться доброму обѣду! Щастїе ихъ принесетъ мнѣ гораздо большее удовольствїе, нежели всѣ игры, которымъ бы я могъ предаться съ моими товарищами. Но все это сдѣлаю я тогда, когда вамъ будетъ угодно, батюшка.

Г.

Г. Грандиссонъ.

Могъ ли ты подумать, любезный сынъ, чтобъ это мнѣ не нравилось? Я похваляю совершенно твое великодушіе. Четырнатцатый твой годъ, который ты такъ хорошо начинаешь, будетъ тебѣ доставлять одно только щастіе. Доброе твое сердце не останется безъ награжденія.

Карлъ.

О! батюшка, что касается до этого, то я только исполняю свой долгъ. Сколько милостей получилъ я въ прошедшій годъ отъ Бога! Не правда ли, что я долженъ возвратить ихъ хотя мало моимъ ближнимъ?

Г. Грандиссонъ.

Обойми меня, любезный сынъ, поди и исполняй свое похвальное

намѣреніе. Ты можешь приказать лакеямъ, что тебѣ надобно; а я скажу имъ, чтобъ они тебя слушались.

Что вы объ этомъ скажете, милостивая государыня матушка? О естьли бы я былъ такъ богатъ, какъ Г. Грандиссонъ; я бы все отдалъ вамъ и сестрицѣ; я по томъ попросилъ бы у васъ что нибудь, чтобъ быть также благодѣтельнымъ, какъ мой другъ!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 27.

Вчера, матушка, Карлъ угощалъ всѣхъ бѣдныхъ. Какъ они смѣялись и веселились! Я никогда не имѣлъ такого удо-

воль-

вольствія, какъ когда эти добрые люди ѣли. Они пили прекрасное пиво всегда съ громкимъ восклицаніемъ: за здоровье Карла Грандиссона. Но у Карла глаза были наполнены слезами радости. Во время стола онъ примѣтилъ, что одинъ почти слѣпой старикъ не имѣлъ довольно хорошей прислуги. Онъ привелъ къ нему сына одного откупщика; посадилъ его и сказалъ: смотри, сдѣлай милость, за этимъ добрымъ старикомъ. Онъ для меня всѣхъ любезнѣе. Я хочу, чтобъ онъ ѣлъ съ хорошимъ аппетитомъ. Старичокъ, сказалъ онъ ему, у меня за столомъ для тебя первое мѣсто. Молодымъ людямъ надобно почитать твою старость. Надо, чтобъ и ихъ почитали, когда они сдѣлаются такими, какъ ты.

Послѣ стола Карлъ роздалъ имъ послѣднія деньги. Такъ, матушка, онъ имъ отдалъ все то, что получилъ отъ своего отца. Вы можете представить, какъ они его благословляли. Это его столько тронуло, что онъ не могъ болѣе противиться движеніямъ своего сердца. Онъ взялъ меня за руку, и мы ушли оттуда, не могши промолвить ни слова. Ужъ мы вошли въ домъ, какъ онъ мнѣ сказалъ: что, любезный другъ, можно ли болѣе чувствовать удовольствія, какъ помогая нещастнымъ? Конечно нѣтъ, отвѣчалъ я, бросившись къ нему на шею; ты никогда не приносилъ мнѣ такой радости. Сердце мое столько же было тронуто, какъ и его. Ахъ, говорилъ я самъ себѣ, какъ бѣдные люди жалки! У нихъ часто

не

не бываетъ самаго нужнаго въ жизни, между тѣмъ какъ мы, сидя за столомъ, наполненнымъ закусками, о томъ только заботимся, чтобъ выбрать что нибудь послаще. Съ этихъ поръ я тѣмъ болѣе буду благодарить Бога за его ко мнѣ милости; и тѣмъ болѣе буду имѣть сострадания къ нищимъ. Самое величайшее удовольствие буду находить въ томъ, чтобъ помогать нещастнымъ по примѣру моего друга.

Послѣ обѣда мы пошли немного прогуляться. Мы думали, что и вечеръ проведемъ одни, такъ какъ обыкновенно. Но какое было наше удивление, когда мы возвратившись, застали многочисленную компанию! Г. Грандиссонъ пригласилъ сосѣднихъ дворянскихъ дѣтей на праздникъ

своего сына. Сперва былъ прекрасный концертъ, а по томъ балъ. Карлъ и Эмилія участвовали въ томъ съ великою похвалою. Какъ бы я желалъ такъ пѣть и играть, какъ они! Но вы знаете, матушка, что это не моя вина. Я не имѣлъ учителей, а вы не могли ихъ мнѣ нанять. Теперь я имѣю участіе въ урокахъ моихъ друзей; я буду ими пользоваться, и, чтобъ вамъ болѣе нравиться, постараюсь со временемъ съ ними сравняться.

Я принужденъ здѣсь окончить мое письмо, милостивая государыня матушка: меня пришли звать въ поле. Я надѣюсь, что эта прогулка будетъ весьма пріятна, и постараюсь вамъ ее описать. Но я было и позабылъ сказать, что Карлъ се-

сестрѣ

стрѣ своей подарилъ прекрасную канарейку, въ замѣну за пучекъ цвѣтовъ, которой она ему поднесла. Эмилія весьма довольна своею птичкою. Она поетъ ей прекрасныя пѣсеньки, которымъ Карлъ научилъ ее въ птичникѣ. Я никогда не видалъ такой скучливой птички, и желалъ бы, чтобъ сестрица моя увидѣла, съ какимъ стараніемъ ходитъ за нею Эмилія; но я бы еще больше желалъ быть вмѣстѣ съ сестрицею и поцѣловать ее; ибо я также былъ бы и съ вами, матушка!

Виль-

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 28.

Вчера не имѣли мы столько удовольствія, матушка, какъ думали. Погода была довольно хороша, какъ мы пошли гулять. Но скоро началъ итти сильной дождь, и мы принуждены были удалиться въ одинъ нехорошій постоялый дворъ, покуда пройдетъ непогода. Эдуардъ ворчалъ самъ про себя; Эмилія была печальна; а правду вамъ сказать, и я не слишкомъ былъ доволенъ. Карлъ имѣетъ всегда присутствіе духа. Онъ одинъ изъ насъ не роппалъ на эту погоду; что вы увидите изъ нашего разговора.

Эдуардъ.

Какъ это больно, что этотъ дождь пошелъ. Мы не будемъ имѣть болѣе никакого удовольствія.

Карлъ.

Для чегожъ? Мы напьемся здѣсь чаю, между тѣмъ можетъ быть дождь перестанетъ; а естьли не такъ, то легко можно будетъ послать за коляскою, чтобъ сестрица не вымочилась.

Эмилія.

Покорно благодарю, братецъ; но мнѣ бы хотѣлось, чтобъ было сухо.

Карлъ.

Наша прогулка конечно была бы повеселѣе. Но нашъ садовникъ нынѣ поутру желалъ дожжика, для того, что растѣнія

и дерева имѣютъ въ немъ великую нужду. Чьи же желанія должны быть лучше услышаны, садовниковы ли, или твои?

Эдуардъ (съ насмѣшливымъ видомъ.)

Безъ сомнѣнія садовниковы!

Карлъ.

Конечно такъ, для того что, естьлибъ дождь не пошелъ, то дерева много бы повреждены были отъ засухи. И не досадно ли бы тебѣ было, естьлибъ не родилось никакихъ плодовъ? Да и чтобы сдѣлалось съ нещастными, когда бы зной засушилъ посѣянную рожь, и хлѣбъ бы сдѣлался отъ того гораздо дороже?

Эмилія.

Охъ, они бы были очень жалки!

Карлъ.

Карлъ.

Такъ радуйся, сестрица, что этотъ дождь отвращаетъ отъ нихъ сїе нещастїе. Ты и сама найдешь другое удовольствїе, и увидишь, какъ завтра зелень будетъ свѣжа и блестяща, и какъ наши плоды получатъ новой блескъ.

Эмилїя.

Ну такъ и быть. Я ужъ не досадую на дождь; пускай онъ идетъ, сколько хочетъ.

Эдуардъ.

Однимъ днемъ много бы не сдѣлалось. Лучше бы было, естьли бы дождь пошелъ нынѣшнюю ночь, либо завтра; мы бы могли теперь гулять.

Карлъ.

Тѣ, которые хотятъ отправиться въ путь ночью, либо завтра, вѣрно желаютъ, чтобъ

дождь лучше теперь шелъ. Какъ ты хочешь, чтобъ время отдавало преимущество твоему своенравію!

Эмилія.

Карлъ говоритъ правду. Наши желанія такъ противны другъ другу, что не возможно, чтобъ всѣ мы были довольны.

Карлъ.

Повѣрь мнѣ, чтобы мы были весьма нещастливы, естьли бы всѣ наши желанія исполнялись. Но обратимся къ непогодѣ. Что это лишиться на одинъ день удовольствія въ сравненіи того, сколько этотъ дождь сдѣлаетъ добра для другихъ и для самихъ насъ?

Эмилія.

Но посмотри на бѣдныхъ птичекъ. Какъ мнѣ ихъ жалко!

Карлъ.

Какъ скоро дождь имъ въ тягость, то онѣ тотчасъ могутъ сыскать себѣ убѣжище. Сверхъ того батюшка говоритъ, что перья ихъ имѣютъ нѣкоторый родъ масленаго вещества, чрезъ который дождь ихъ не можетъ промочить.

Эмилїя.

Ахъ, какъ я рада! Мнѣ кажется все въ свѣтѣ распоряжено премудро.

Дождь становился часъ отъ часу сильнѣе. По щастїю Гжа. Грандиссонъ насъ не позабыла; и за нами скоро прїѣхала коляска. Мы возвратились домой. Эмилїя пошла забавляться съ своею канарейкою. Карлъ и я стали играть въ воланъ, чтобъ имѣть такое же движенїе, какое

и въ прогулкѣ. Но что касается до Эдуарда, то онъ все сердился, и не могъ ничѣмъ болѣе утѣшаться, какъ безпрестанно дразня бѣдную свою собаку. Онъ мнѣ даетъ весьма хорошее наставленіе. Я вижу, что когда сдѣлаешься своенравнымъ при малѣйшемъ неудовольствіи, то бываешь въ опасности сдѣлаться нещастнымъ. Я постараюсь переносить сколько можно всѣ неудовольствія. Но одно нещастіе для меня весьма чувствительно. Ахъ, я простираю къ вамъ руки, и не могу обнять ни васъ, ни сестрицы! Я тысячу разъ на день думаю, что и вы также протягиваете ко мнѣ руки. Но чтожъ? Мы обнимаемъ другъ друга одними только чувствованіями. Однакожъ быть такъ: лишь бы онѣ

были

были столько живы и нѣжны, чтобъ насъ вѣчно соединяли.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Августа 29.

Мнѣ должно, матушка, разсказать вамъ теперь смѣшную исторію, которая вчера между нами произошла.

Не было еще полчаса, какъ мы легли спать, какъ вдругъ услышали большой шумъ. Что это значитъ, спросилъ я своего друга? Не знаю, отвѣчалъ онъ. Не воры ли это, перервалъ я? И въ ту самую минуту услышали мы, что Эдуардъ закричалъ очень громко. Карлъ вскочилъ тотчасъ съ постели; надѣлъ какое попалось платье, и схвативши свою шпагу: поди

за мною, Вильгельмъ, сказалъ онъ мнѣ. Это видно въ Эдуардовой комнатѣ. Я засвѣтилъ свѣчку изъ ночной лампады, и мы вошли къ его брату посмотрѣть, что тамъ такое. Карлъ не показывалъ нималаго страха; но у меня, правду вамъ сказать, дрожало все тѣло. Вошедши въ комнату Эдуардову, мы увидѣли, что онъ лежалъ на землѣ, и былъ покрытъ столомъ, упавшимъ на него съ книгами и бумагами. Помогали ему встать. Карлъ спросилъ его, что съ тобою сдѣлалось, братецъ?

Эдуардъ.

Я не знаю. Но я еще отъ страху дрожу.

Карлъ.

Но какъ ты это упалъ на землю?

Эдуардъ.

Я тебѣ это скажу; дай мнѣ сперва отдохнуть.

Вильгельмъ.

Что ты кого нибудь видѣлъ? Воровъ что ли?

Эдуардъ.

Не думаю, чтобъ воровъ. Но я еще и до сихъ поръ не знаю, что это такое было.

Карлъ.

За чемъ же ты такъ громко закричалъ?

Эдуардъ.

Ты бы и самъ тоже сдѣлалъ, естьли бы былъ на моемъ мѣстѣ. Я не знаю какъ я упалъ съ постели; видно меня какой нибудь духъ оттуда спехнулъ.

Карлъ.

Что ты это говоришь, Эдуардъ?

Эдуардъ.

Я тебѣ говорю, что приходилъ духъ.

Карлъ.

Я боялся, не сдѣлалось ли съ тобою чего нибудь худаго. А теперь вижу, что этому только смѣяться должно. Смотри, какъ ты перепугался. Вильгельмъ также внѣ себя. Я пойду поищу для васъ паточной воды; надобно вамъ сколько нибудь капель ее принять.

Эдуардъ.

Не ходи одинъ; лучше позови лакея.

Карлъ.

Онъ мнѣ не надобенъ; не шумите только, чтобъ не разбудить батюшку и матушку.

Вилг-

Вильгельмъ.

Развѣ ты смѣешь ходить по дому одинъ?

Карлъ.

Для чегожъ, любезный другъ. Чего мнѣ бояться?

Эдуардъ.

Я не трусливѣе тебя, а право ни за что теперь не пойду. — Да послушай меня, Карлъ.

Вильгельмъ.

Хорошо! онъ ужъ далеко отъ насъ. Правду сказать, онъ очень храбръ. Но, Эдуардъ, какъ все это дѣло было?

Эдуардъ.

Я тебѣ его разскажу, когда братъ придетъ.

Вильгельмъ.

Да вотъ и онъ.

Эдуардъ.

Что, Карлъ, ничего ты не видалъ?

Карлъ (съ улыбкою.)

Какъ ничего? Я видѣлъ алею, лѣсницу, свое зеркало и эту бутылку. Вотъ вамъ крѣпительная вода; примите ее, авось либо вы будете пободрѣе.

Эдуардъ.

Пожалуй, братецъ, не шути въ этомъ дѣлѣ.

Карлъ.

Для чегожъ? Вить съ духами надобно шутить.

Эдуардъ.

Конечно ты думаешь, что ихъ нѣтъ.

Карлъ.

Такъ точно; но скажи намъ, Эдуардъ, по какому случаю мы трое здѣсь? Скажи сперва, кто тебя

тебя принудилъ встать съ постели.

Эдуардъ.

Говорятъ тебѣ, что духъ.

Карлъ.

Полно не во снѣ ли ты его видѣлъ?

Эдуардъ.

Нѣтъ, очень на яву.

Карлъ.

Да разскажи намъ все свое приключенїе.

Эдуардъ.

Слушай. Ты знаешь, что я не люблю спать со свѣчею. Я только что потушилъ свѣчу, и легъ на постелю, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то шелъ тихонько по полу. Привставши, я отдернулъ занавѣсъ, и ясно увидѣлъ двѣ свѣчи, которыя то уве-

увеличивались, то уменьшались, и съ мѣста на мѣсто переходили.

Карлъ.

Конечно это представился тебѣ какой нибудь призракъ?

Эдуардъ.

Какой призракъ? Это такая вещь, которую я такъ видѣлъ, какъ тебя.

Карлъ.

Ну, по томъ что?

Эдуардъ.

Я лежалъ тихо, и не смѣлъ дышать. Тогда свѣчи потухли, и я услышалъ, что что-то по комнатѣ ворчало; а послѣ того громко стукнуло въ дверь.

Вильгельмъ.

Отъ одной исторіи меня ознобъ беретъ.

Эдуардъ.

Пускай какъ хочетъ Карлъ крѣпится; а я знаю, что онъ на моемъ мѣстѣ также бы испугался, какъ и я.

Карлъ.

Да для чего ты не позвалъ кого нибудь, чтобъ тебѣ засвѣтили?

Эдуардъ.

Развѣ я могъ позвать? Ужасъ зажалъ мнѣ ротъ. Все на одну минуту сдѣлалось тихо; но я скоро услышалъ, что кто-то дрался на стѣну, и потомъ отъ слабаго сїянїя луны увидѣлъ большое бѣлое чудовище. Оно часъ отъ часу становилось больше и толще. Я закрылъ глаза рукою, чтобъ не увидать чего нибудь ужаснаго, и попытался сошедши тихонько съ постели какъ нибудь убраться

изъ

изъ этой комнаты. Чудовище, какъ мнѣ казалось, начало прыгать, и шло прямо ко мнѣ. Тогда отъ страху я упалъ на столъ, опрокинулъ его на себя, и закричалъ, такъ что и вы меня услышали. Но тш, тш: мнѣ кажется, что я еще и теперь его слышу.

Вильгельмъ.

И мнѣ кажется, что тамъ за бюромъ нѣчто ворошится.

Карлъ.

Я объ закладъ бьюсь, естьли тамъ не спряталась крыса.

Эдуардъ.

Однакожъ крыса не бѣла; да и чудовище, которое я видѣлъ, не меньше нашей собаки.

Карлъ.

Намъ только стоитъ поискать; естьли оно здѣсь, такъ должно намъ показаться.

Карлъ началъ по томъ шарить во всѣхъ углахъ комнаты. Онъ искалъ за кроватью, подъ комодомъ, подъ бюромъ. Вотъ духъ, вскричалъ онъ наконецъ: я его нашелъ. А какой бы это былъ духъ? Отгадайте, матушка. Это была большая бѣлая откупщикова кошка, которая вѣрно вкралась какъ нибудь въ домъ, и вошла въ Эдуардову комнату. Всѣ мы трое помирали со смѣху. Карлъ прекрасно подшучивалъ надъ своимъ братомъ; а кошка, какъ скоро увидѣла отворенную дверь, быстро вонъ выскочила. Эдуардъ пришелъ въ замѣшательство отъ этого приключенія. Я не понимаю, сказалъ онъ, какъ могла кошка показаться такой величины. У страха глаза велики, отвѣчалъ Карлъ. Въ страхѣ мы представляемъ вещи

щи иначе, какЪ они вЪ самомЪ дѣлѣ суть, и особливо увеличиваемЪ ихЪ вЪ своемЪ воображенїи. — Но двѣ свѣчи? Я право ихЪ видѣлЪ. — Это были, я думаю, кошечьи глаза, которые то увеличивались, то уменьшались, по мѣрѣ какЪ она открывала, или закрывала свои рѣсницы. Повѣрь мнѣ, что таковы всѣ духи, которыхЪ боятся глупцы, такЪ какЪ нашей кошки. Когда же войдешь вЪ самое дѣло, то увидишь, что оно совершенно натурально.

Послѣ того мы пошли спать, и всю ночь проспали спокойно. Мы насмѣшили Г. и Гжу ГрандиссонЪ этимЪ произшествїемЪ. Они похвалили рѣшимость и хладнокровїе Карлово. Да и вЪ самомЪ дѣлѣ я не видывалЪ, чтобЪ онЪ когда нибудь лишился прису-

сутствія духа. Что же касается до Эдуарда и меня, то мы смѣялись своей слабости не послѣдніе. Правду сказать, мнѣ стыдно было, что я не имѣлЪ бодрости; однакожЪ я надѣюсь, что эта исторійка увеселитЪ сестрицу, и придастЪ ей вЪ подобномЪ случаѣ болѣе смѣлости, нежели сколько имѣлЪ ее братЪ.

Прощайте, милостивая государыня матушка. Вы не такЪ ко мнѣ часто пишете, какЪ бы я того желалЪ, и какЪ бы то мнѣ нужно было. Эмилія часто говоритЪ со мною о сестрицѣ, и желаетЪ знать, всегда ли вы ею довольны. Увѣдомьте меня обЪ ней, матушка, сдѣлайте милость, и удовольствуйте мою любовь и дружбу молодой моей пріятельницы, которая беретЪ такое

кое участіе въ любезной моей сестрицѣ. Цѣлую ее вашими устами, чтобъ она почувствовала великую мою къ ней любовь.

---

*Гжа. Д*** къ своему сыну.*

Сентября 6.

Я очень чувствую, любезный сынъ, нѣжные твои выговоры, что я къ тебѣ не часто пишу. Для меня ничего бы не было такъ пріятно, какъ этимъ заниматься, естьли бы я могла свободно располагать своимъ временемъ. Но ты долженъ знать, что мое время все почти занято, а особливо попеченіями о твоей сестрѣ. Я должна ее сама учить, для того что не имѣю щастія нанять ей такихъ учителей, въ которыхъ она имѣетъ нужду. Правду сказать, я

я очень награждена за мои стара-
нія щастливымъ ея расположе-
ніемъ. Она всему учится съ ве-
личайшимъ раченіемъ. Ничто не
уменьшаетъ ея прилѣжности, и
я всякой день удивляюсь ея успѣ-
хамъ. Чувствованія ея также при-
носятъ мнѣ не меньшее удоволь-
ствіе. Трудно имѣть сердце
справедливѣе и чувствительнѣе.
Все, что ты пишешь по време-
ни объ Эмиліи, приноситъ ей
величайшую радость. Прекрасное
письмо, которое Эмилія писала
къ своей матери въ разсужденіи
нещастнаго пожара, и съ кото-
раго ты прислалъ ко мнѣ спи-
сокъ, сдѣлало живѣйшее впечат-
лѣніе на сердцѣ твоей сестры.
Она каждый день обращаетъ раз-
говоръ на это приключеніе. Ахъ,
маминька! говорила она мнѣ вче-
ра, естьли бы я была богата,

я бы то же сдѣлала, что и Эмилія. Какъ она была рада, что могла помочь бѣднымъ дѣвицамъ Фальстонъ. Конечно, любезная дочь, отвѣчала я ей, она была весьма щастлива; но и я не меньше рада, что ты принимаешь участіе въ нещастіи другихъ. Это доказываетъ доброе твое сердце, и ты заслуживаешь за сіи чувствованія того, чтобъ и другіе радовались, участвуя въ твоихъ печаляхъ. Сіи дружелюбныя расположенія весьма нужны для людей, чтобъ помогать другъ другу въ своихъ нещастіяхъ. Это правда, маминька, сказала она мнѣ. Когда я печальна, и мои пріятельницы также печалятся; мнѣ и въ половину уже такъ не больно, и за это я ихъ еще больше люблю, а сама очень бываю рада. Не тонкое ли это

чув-

чувствованіе, любезный сынЪ, и не прекрасное ли то изображеніе ея откровенности? Она всякой день это дѣлаетЪ, и приводитЪ меня даже до слезЪ.

Я не менѣе тронута чувствованіями, которыя и ты оказываешь ко мнѣ вЪ своихЪ письмахЪ. Знаю, что онѣ происходятЪ отЪ глубины твоего сердца, и для того сЪ радостію наполняю ими свое сердце. Онѣ облегчаютЪ мою печаль. Я вижу, что не всего я лишилась на землѣ, лишась своего супруга, для того что дѣти мои почитаютЪ меня столь нѣжно, какЪ я ихЪ люблю. ТакЪ, вамЪ двоимЪ препоручаю я пещись о моемЪ щастіи. Сіе попеченіе не будетЪ для васЪ тяжело: ибо я буду довольно награждена, ко-

гда увижу, что ваше щастїе составляютъ добродѣтели.

Всѣ письма, которыя я получаю отъ Гжи. Грандиссонъ, наполнены самыми выгодными свидѣтельствами хорошаго твоего поведенїя. Дружба, насъ соединяющая, безъ сомнѣнїя имѣетъ участїе въ ея похвалахъ. Но для меня прїятно думать, что ты столько чувствуешь цѣну ея благодѣянїй, что не можешь, навлечь на себя выговоровъ за худое поведенїе. Тебѣ бы очень стыдно было, естьли бы ты ихъ не заслуживалъ, имѣя въ глазахъ столь хорошїй примѣръ, какъ Карлъ. Привязанность его къ тебѣ для меня весьма лестна. Не льзя чувствовать живой склонности къ тому, кто не достоинъ почтенїя. Продолжай слѣдовать хорошему примѣру

мѣру твоего друга. Молодой человѣкъ, одаренный столь похвальными качествами, долженъ внушать въ тебя благородную ревность. И ты не можешь иначе соотвѣтствовать его любви, какъ стараясь сдѣлаться ея достойнымъ.

Я вижу, что твое сердце страдаетъ, будучи не въ силахъ подражать его благодѣтельности. Для меня весьма бы было пріятно поставить тебя въ такое состояніе, чтобъ ты могъ исполнять сію трогательную добродѣтель. Имѣй ее всегда въ твоемъ сердце, пока щастіе послужитъ тебѣ слѣдовать столь великодушнымъ движеніямъ. Въ ожиданіи, пріими, любезный сынъ, эти деньги, которыя я къ тебѣ посылаю. Я бы желала дать

тебѣ больше, но здѣсь все то, что мнѣ мое состоянїе позволило собрать въ это время. Я послала къ Г. Грандиссону все то, что онъ изволилъ принять для твоихъ нуждъ. Но эти деньги опредѣлены для твоихъ забавъ; и я увѣрена, что ты употребишь ихъ сообразно чувствительному и великодушному сердцу. Прощай, любезный сынъ. Цѣлую тебя со всею нѣжностїю такой матери, которой совершенное щастїе зависитъ отъ любви и добродѣтели своихъ дѣтей.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 12.

Тысячу разъ благодарю васъ, матушка, за подарокъ, который вы мнѣ изволили прислать. Какъ! это ничего почти не стоитъ? Нѣтъ! позвольте мнѣ вамъ противорѣчить; мнѣ кажется, что это очень много стоитъ. Вы не богаты, а дарите мнѣ двѣ гвинеи для забавъ. Не больше ли это, нежели когда бъ вы были богаты, и дали мнѣ въ десятеро больше? Ахъ! я боюсь, не слишкомъ ли вы снисходительны. Сія мысль нарушаетъ ту радость, которую я чувствую, получа такой знакъ вашей милости. Впрочемъ, будьте увѣрены, что я знаю всю цѣну этого подарка, и постараюсь употребить его

 такъ,

такъ, чтобъ вы были тѣмъ довольны.

Признаться вамъ, я нѣсколько полюбопытствовалъ показать Эмилїи ваше письмо, чтобъ она узнала, какъ вы довольны сестрицею. Мнѣ кажется я бы еще болѣе гордился ея, нежели собственными своими преимуществами. Эмилїи кажется было лестно, что ея поведенїе заслужило ваше одобренїе. Она со дня на день становится умнѣе и любезнѣе. Какъ сестрица такъ хорошо пользуется тѣмъ, что я вамъ пишу на счетъ моей прїятельницы, то я намѣренъ разсказать вамъ еще случившееся съ нею приключенїе. Правду сказать, здѣсь нѣсколько и она была виновата; но слѣдствїе столько дѣлаетъ ей чести, что я за удовольствїе считаю описать это

дѣ-

дѣло, такъ какъ оно было. Бѣдное дитя было вчера въ залѣ съ Эдуардомъ. Они попремѣнно забавлялись на клавикордахъ. Въ этой залѣ есть подведенный подъ лакъ шкафъ, наполненный самою драгоцѣнною фарфоровою посудою. Эмилія полюбопытствовала его отворить, и смотрѣла на разныя Китайскія фигуры, подаренныя недавно Гну. Грандиссону. Она взяла одну изъ нихъ въ руки, чтобъ высмотрѣть вблизи получше. Эдуардъ, всегда желая сдѣлать что нибудь злое, вдругъ ей сказалъ, чтобъ ее поймать, что онъ слышитъ входящую матушку. Эмилія, опасаясь быть пойманною, тотчасъ хотѣла вложить эту фигуру въ шкафъ; но скоро выдернувъ оттуда руку, свалила чашку, которая тотчасъ разбилась въ мѣл-

кія части. ОтЪ этой бѣды пришла она вЪ великое замѣшательство. Она знала, что эта чашка стоила очень дорого, и что ее мать берегла ее весьма старательно; ибо присоединила ее кЪ сервизу, подаренному ей отЪ самой лучшей ея пріятельницы. ЭдуардЪ пересталЪ играть на клавикордахЪ, какЪ услышалЪ, что Эмилія сЪ горести закричала; и вотЪ ихЪ разговорЪ:

Эдуардъ.

Право, ты надѣлала тамЪ много прекраснаго. Не желалЪ бы я быть на твоемЪ мѣстѣ.

Эмилія.

О братецЪ! ты видишь, какЪ я огорчена. Не пугай меня больше, сдѣлай милость. Лучше посовѣтуй мнѣ.

Эду-

Эдуардъ.

Что тебѣ совѣтовать? Поди ко всѣмъ купцамъ, ты не найдешь нигдѣ такой чашки. Нѣтъ другаго средства, какъ отправиться тебѣ въ Китай, чтобъ поискать тамъ подобной.

Эмилїя.

Какое удовольствїе находишь ты мучить меня своими шутками?

Эдуардъ.

А зачѣмъ шарить по шкафамъ?

Эмилїя.

Развѣ этого съ тобою не случается?

Эдуардъ.

Теперь дѣло идетъ о тебѣ. Какую ты имѣла нужду дотрогиваться до чашки?

Эми-

Эмилія.

Правда, я дурно сдѣлала. Однакожъ, естьли бы ты меня по напрасну не испугалъ, то бы я ничего не разбила.

Эдуардъ.

Эта фарфоровая чашка, которая столько нравилась матушкѣ, вотъ она теперь разбита въ куски. Лучше бы ужъ все перебить.

Эмилія.

Я бы не вѣдь что дала, когдабъ этого не случилось.

Эдуардъ.

Правда твоя, печалься, какъ хочешь, это тебѣ много поможетъ.

Эмилія.

О! братецъ, какъ ты жестокъ! Карлъ никогда бы меня такъ не мучилъ.

Эдуардъ.

Ну, хорошо, такъ и я перестану. Хочешь ли, я тебѣ скажу, что надобно сдѣлать?

Эмилїя.

Посмотримъ, что такое? Говори.

Эдуардъ.

Вить никто не слыхалъ, что здѣсь сдѣлалось. Соберемъ только съ полу куски, и положимъ ихъ одинъ подлѣ другаго въ шкафъ. Матушка сего дня не осмотрится; а ты за столомъ можешь сказать, что ты слышала, что въ шкафу что-то упало. Я это подтвержу. Матушка пойдетъ, посмотритъ, и безъ сомнѣнїя скажетъ, что чашка сама разшиблась.

Эми-

Эмилїя.

Нѣтъ, братецъ, этого я никогда не сдѣлаю.

Эдуардъ.

Для чегожъ? Вить ты никого въ этомъ не обвинишь.

Эмилїя.

Нужды нѣтъ. Но это все дурно. Солгать еще хуже, нежели разбить чашку.

Эдуардъ.

Ну, такъ какъ хочешь. Я тебѣ даю совѣтъ выттти изъ этого смятенїя. Ты не хочешь имъ пользоваться. Не мое дѣло.

Эмилїя.

Ахъ! что со мною будетъ?

Эдуардъ.

Жаль мнѣ тебя. Но что мнѣ нужды объ этомъ сожалѣть. Ты сама хочешь, чтобъ тебя наказали.

Эмилія.

Пускай же лучше накажутъ, нежели обманывать матушку; я пойду къ ней, скажу ей свою бѣду. Попрошу у нее прощенія, и обѣщаюсь никогда не дотрогиваться до ключа ея шкафа.

Эмилія только что хотѣла выттти, какъ увидѣла вошедшую матушку. Она остановилась вся въ разстройкѣ; покраснѣла, поблѣднѣла, и перемѣнилась въ лицѣ, и прежде нежели она могла промолвить слово, слезы покатились ручьями изъ глазъ ея. Она ожидала отъ нее строгихъ выговоровъ. Но какое было ея удивленіе, когда Гжа. Грандисонъ, слышавшая весь ихъ разговоръ, взяла ее нѣжно за руку, и лаская ее, сказала: ты очень добрая дѣвушка, любезная Эмилія. Не знаю я, что ты

раз-

разбила; но хотя бы то была самая драгоцѣнная вещь, я тебѣ прощаю за твою искренность и довѣренность. А ты, сударь, продолжала она, оборотясь къ Эдуарду, поди въ свою комнату, и поразмысли объ томъ наставленіи, которое тебѣ дала теперь сестра. Ты еще щастливъ, что отецъ этого не знаетъ. Онъ бы былъ построже меня. Поди и стыдись своего порока. Вижу я, что впередъ не льзя мнѣ полагаться на твои слова, такъ какъ на слова твоей сестры.

Видите ли, матушка, какъ награждена была Эмилія за то, что не послѣдовала худымъ совѣтамъ Эдуарда? ибо она дорого бы заплатила за свою ложь, когда Гжа Грандиссонъ все слышала. Это приключеніе, кажется,

ея, не безполезно будетъ для сестрицы; не потому, чтобы я подозрѣвалъ ея, что она когда нибудь имѣетъ мысль васъ обмануть: — Богъ ея отъ этого сохрани! — Но потому, что это служитъ новымъ одобренiемъ къ тому, чтобъ укрѣплятьcя болѣе и болѣе въ полученныхъ отъ васъ правилахъ. Ахъ! какъ она щастлива, что можетъ слышать сiи наставленiя отъ васъ самихъ! Давно уже я лишенъ этого щастiя. Волнующееся море раздѣляетъ меня съ самыми любимыми для меня людьми. Когда-то я васъ обойму? Когда вы увидите насъ, меня и сестрицу, предъ вами на колѣнахъ для ревностнаго засвидѣтельствованiя вамъ нашей любви?

———

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 16.

О, матушка! здѣсь все въ великой разстройкѣ! Карлъ уѣхалъ нынѣ поутру на лошади съ лакеемъ къ одному своему прїятелю за двѣ мили отъ нашей деревни. Онъ еще и теперь не прїѣхалъ домой. Батюшка велѣлъ ему возвратиться въ пять часовъ, а теперь уже слишкомъ девять. Онъ никогда не нарушалъ повелѣнїй своихъ родителей. Съ нимъ должно произойти какое нибудь нещастїе. Ночь очень темна. Туманъ сдѣлался ужасный. Г. Грандиссонъ послалъ теперь лакея освѣдомиться о Карлѣ. Съ какимъ нетерпѣнїемъ ожидаю я его возвращенїя?

Один-

Одиннатцать часовъ.

Какая горесть! лакей возвратился изъ того дому, гдѣ Карлъ проводилъ день, и говоритъ, что онъ уѣхалъ оттуда съ своимъ лакеемъ прежде четырехъ часовъ. Что съ нимъ сдѣлалось? Не заблудился ли онъ въ лѣсу? не упалъ ли съ лошади? Да почему я знаю? можетъ быть разбойники его убили. О Боже мой! Гжа. Грандиссонъ отъ того умретъ. Эмилія теперь только плачетъ. Эдуардъ бѣгаетъ, какъ сумасшедшій по лѣсницѣ, да по двору. Г. Грандиссонъ старается утѣшать свою жену; но ясно примѣтить можно, что онъ самъ въ отчаяніи. Онъ разослалъ нѣсколькихъ людей на лошадяхъ по разнымъ дорогамъ искать бѣднаго Карла. Естьли бы его не удер-

живала опасность оставить въ горести свою супругу, то онъ бы самъ давно поскакалъ за своимъ сыномъ. О! хоть бы былобъ мнѣ поѣхать съ моимъ другомъ! по крайней мѣрѣ я бы участвовалъ въ его нещастіяхъ. Гжа. Грандиссонъ захотѣла меня оставить дома, для того что у меня былъ маленькой насморкъ. А естьлибъ я ее хорошенько попросилъ, то бы она меня съ нимъ отпустила. Какъ я нещастливъ! Я не знаю, какъ я могу сносить свою горесть Не могу болѣе держать въ рукѣ пера, и не вижу, что пишу.

Въ первой часъ утра.

Еще нѣтъ Карла. Никто не ложился спать. Да и какъ можно покоиться? Лакеи ломаютъ себѣ руки съ горести. Эдуардъ и Эмилія только что кричатъ:

чатъ: о братецъ, любезный братецъ! И это еще болѣе меня печалитъ. Ахъ! когдабь скорѣе пришелъ день.

Шесть часовъ съ половиною.

Слава Богу, матушка, мы получили извѣстіе о Карлѣ! Лакей, который съ нимъ поѣхалъ, возвратился назадъ. Никакого нещастія не случилось съ моимъ другомъ. Онъ не виноватъ, что мы такъ безпокоились, и опоздалъ ни по небреженію, ни по своей волѣ. Онъ не только не заслуживаетъ никакихъ выговоровъ, но еще великой похвалы. О! естьлибъ вы узнали его приключеніе! Но Г. Грандиссонъ велитъ, чтобъ мы непремѣнно нѣсколько часовъ успокоились, и отдохнули отъ разстройки и устало-

 сти.

сти, которую мы чувствовали вЪ сію ночь. Должно повиноваться. Прощайте, матушка, покуда проснусь. Первое мое дѣло будетЪ описать вамЪ все, какЪ происходило.

Девять часовЪ.

И такЪ я вамЪ раскажу все, матушка, такЪ какЪ намЪ говорилЪ лакей.

БаринЪ его и онЪ поѣхали назадЪ домой прежде четырехЪ часовЪ, такЪ какЪ я вамЪ сказывалЪ, чтобЪ возвратиться вЪ то время, которое назначилЪ имЪ Г. ГрандиссонЪ. Едва-ли они проѣхали четвертую часть пути, какЪ небо начало темнѣть. Сдѣлался такой сильной туманЪ, что не льзя было ничего отличить на сажень. КарлЪ, сЪ обыкновенною своею бодростію, ни мало не оробѣлЪ. Они продол-

должали свой путь вскачь, какъ вдругъ на дорогѣ примѣтили передъ собою лежащаго человѣка. Что это такое, сказалъ Карлъ, остановя свою лошадь? Это конечно какой нибудь пьяной, отвѣчалъ лакей. Поѣдемъ, баринъ, скорѣе.

Нѣтъ, отвѣчалъ Карлъ; естьли это пьяной человѣкъ, то его по крайней мѣрѣ должно сволочь съ дороги, чтобъ въ темнотѣ не раздавила его коляска. Онъ не успѣлъ сказать этихъ словъ, какъ уже слѣзъ съ лошади. Какое было его удивленіе, когда приближившись къ этому нещастному, онъ увидѣлъ стараго Офицера въ мундирѣ? На головѣ у него была широкая рана, изъ которой ручьями текла кровь. Карлъ началъ его спрашивать, но не получилъ никакого отвѣта.

Это мертвой человѣкъ, сказалъ лакей, слѣзши съ лошади.

Нѣтъ, нѣтъ! онъ еще живъ, отвѣчалъ Карлъ. Онъ теперь въ обморокѣ. Боже мой! что намъ дѣлать?

И въ самомъ дѣлѣ, что намъ дѣлать, сказалъ лакей? Поѣдемъ далѣе. Мы остановимся въ ближней деревнѣ, и пошлемъ къ нему кого нибудь на помощь.

Какъ ты, Ванька, безжалостенъ, перервалъ Карлъ съ живостiю! Прежде нежели онъ получитъ помощь, онъ уже будетъ мертвъ. Посмотри, сколько онъ потерялъ крови. Привяжи лошадей къ этому дереву. Мы должны подать ему помощь, какую только можемъ.

Какъ, баринъ, сказалъ Ванька, думаете ли вы объ этомъ:

ночь

ночь насЪ захватитЪ? Тогда при такой непогодѣ никогда не найдемЪ и дороги.

Карлъ.

Ну, такЪ мы здѣсь останемся.

Ванька.

А ваши родители? Развѣ вы не представите ихЪ безпокойства?

Карлъ.

АхЪ, я было и позабылЪ!

КарлЪ только что хотѣлЪ сѣсть на лошадь, какЪ вдругЪ оборотился кЪ Офицеру, и сЪ наполненными слезЪ глазами почувствовалЪ, что его останавливала какая-то тайная сила. НѣтЪ, нещастный старикЪ! вскричалЪ онЪ; я тебя не оставлю вЪ этомЪ ужасномЪ состоянїи. Мои родители за это не осердятся. Я не попущу, чтобЪ

ближній мой погибЪ, прежде нежели употреблю всѣ силы на его помощь.

При сихЪ словахЪ онЪ расстегнулЪ тотчасЪ свое платье, и разодралЪ полу кафтана по-поламЪ.

Ванька.

Да что вы тамЪ, баринЪ, дѣлаете?

Карлъ.

Надобно завязать голову, и остановить кровь.

Ванька.

Да послушайте, баринЪ. . .

Карлъ.

Не говори болѣе ни слова, и поди мнѣ помоги.

ОнЪ тотчасЪ свернулЪ платокЪ свой вЪ четверо, и приложилЪ его кЪ окровавленной головѣ старика. По томЪ одною

по-

полою своего кафтана обернувЪ ее, пришпилилЪ какЪ можно лучше перевязь. НаконецЪ сЪ помощїю Ваньки приподнявЪ его сЪ дороги, отнесЪ на траву.

ЧтожЪ теперь дѣлать, спросилЪ Ванька?

Карлъ.

Бѣги вскачь вЪ ближнюю деревню, и приведи людей, чтобЪ они снесли вЪ какую нибудь избу этого раненаго бѣдняка; а я останусь здѣсь. Скажи имЪ, что я заплачу за работу.

Ванька.

Боже сохрани васЪ слушаться? НѣтЪ, я не поѣду, баринЪ. Я, чтобЪ оставилЪ васЪ одного вЪ этомЪ пустомЪ мѣстѣ. БатюшкаЪ вашЪ никогда меня за это не проститЪ.

Карлъ.

Карлъ.

Я все беру на себя. Поѣзжай, говорю.

Ванька.

Ну, баринъ, коли вы велите, то я ничего говорить не стану. Но вспомните по крайней. . .

Карлъ.

Я все вспомню. Поѣзжай.

Ванька тотчасъ поскакалъ во весь лошадиной опоръ. Неподалеку нашелъ онъ избу, въ которой двое мужиковъ сидѣли посреди множества женщинъ и дѣтей. Онъ отворилъ двери, и оборотясь къ главному изъ нихъ, просилъ его съ сыномъ пойти на помощь къ одному старому Офицеру, который упалъ на дорогѣ, и облитъ весь кровью. Они сперва попротивились вытти въ такую непогоду по прозьбѣ незна-

знакомца. Но наконецъ, будучи въ томъ увѣрены слезами Ванькиными, и видомъ искренности, который онъ показывалъ при своей прозбѣ, они нашли у себя родъ носилокъ, и пошли за нимъ.

Между тѣмъ Карлъ не оставлялъ старика ни на минуту: и своими стараніями дошелъ до того, что привелъ его въ чувства.

Смѣю ли я васъ спросить, государь мой, кто вы таковы, сказалъ онъ ему, какъ скоро увидѣлъ, что онъ открылъ глаза, и по какому нещастію вы въ такомъ состояніи?

Имя мое Артуръ, отвѣчалъ старикъ слабымъ и дрожащимъ голосомъ. Я Маіоръ въ тритцать третьемъ полку. Теперь я поѣхалъ было на лошади прогуливаться. Лошадь спотыкнулась,

лась, сбила меня, и потащила за собою. Голова моя разбилась объ камень. Я хотѣлъ было привстать. Но боль, которую я чувствовалъ, лишенїе крови и старость лѣтъ, привели меня въ безпамятство. Далѣе, что со мною было, я того не помню. Но ты, любезное дитя, столько чувствительное къ моему нещастїю, кто ты? Ты ли это перевязалъ мнѣ голову, и спасъ меня отъ смерти?

Карлъ.

Такъ, государь мой; я имѣлъ щастїе служить вамъ. У меня былъ и лакей; но я его посламъ въ ближнюю деревню сыскать для васъ какїя нибудь покои, и доставить вамъ больше помощи, нежели сколько я могу.

Маї-

Маїоръ.

Какъ ты осмѣлился остаться подлѣ меня въ пустомъ мѣстѣ и въ такой темнотѣ? Столько еще молодъ, и уже изливаешь на меня такія благодѣянія. Какъ я тебѣ благодаренъ?

Карлъ.

Никакъ, государь мой. Я исполнилъ только свой долгъ; и естьли еще въ чемъ нибудь могу вамъ служить, то сочту за щастіе. ....

Сей разговоръ былъ прерванъ пріѣздомъ Ваньки съ двумя мужиками. Положили Маїора на носилки, устланныя добрыми тюфяками; но какъ ни старались нести его тихо, трясеніе носилокъ возобновило боль въ его ранѣ; и онъ снова впалъ въ безпамятство.

Карлъ отдавъ Ванькѣ вести лошадь, шелъ тихо по сторону носилокъ, и сколько можно старался привесть его въ чувства. Когда пришли они къ дверямъ избы, то онъ велѣлъ одному крестьянину сѣсть на свою лошадь, и тотчасъ побѣжать за лѣкаремъ.

Между тѣмъ Ванька всячески старался упросить своего барина, чтобъ скорѣе возвратиться, и непрестанно представлялъ ему опасность, въ коей находятся его родители въ разсужденіи того, что онъ такъ опоздалъ.

Какъ? отвѣчалъ ему Карлъ, чтобъ я оставилъ этого старика умереть въ чужихъ рукахъ! Видишь ли, онъ и теперь еще безъ чувствъ, что я сдѣлаю для

него

него, когда теперь оставлю? Нѣтъ; я пробуду съ нимъ цѣлую ночь.

Ванька.

Что вы это, баринъ, говорите?

Карлъ.

То, что я рѣшился здѣсь остаться. Бѣги скорѣе къ батюшкѣ и матушкѣ. Разскажи имъ все, что происходило. Пускай они успокоятся въ разсужденіи меня. И скажи имъ, что завтра я ожидаю здѣсь ихъ приказаній.

Ванька.

Право, баринъ, я этого никогда не сдѣлаю. Вашъ батюшка очень хорошо меня приметъ, когда я пріѣду безъ васъ.

Какъ бы это ни было, отвѣчалъ Карлъ важнымъ голосомъ, не теряй времени. Ступай. Теперь уже ночь.

Ванька сколько ни называлъ сего неблагоразуміемъ молодаго барина, но должно было поѣхать.

Тогда Карлъ сталъ гораздо спокойнѣе, въ тѣхъ мысляхъ, что родители его скоро получатъ объ немъ извѣстіе. Но должно было случиться еще новому неудобству. Туманъ часъ отъ часу становился гуще, а ночь темнѣе; и Ванька, заблудясь въ лѣсу, черезъ которой проѣзжалъ, и не зная, въ какую сторону поворотить, долженъ былъ, по многимъ безполезнымъ стараніямъ, выѣхать изъ лѣсу, сѣсть подъ деревомъ, привязать

къ

къ нему лошадь, и оставить насъ всю ночь въ самомъ жестокомъ безпокойствѣ. Бѣдный лакей насилу живъ былъ отъ холоду и усталости, какъ нынѣчѣ прїѣхалъ поутру! Не смотря на его усердїе, онъ боялся показаться на глаза Г. Грандиссону, думая, что его за это выгонятъ. Я не могу вамъ изобразить его удивленїя, какъ разсказавши это приключенїе, онъ услышалъ, что Г. Грандиссонъ сказалъ: какъ долженъ я благословлять тебя, Боже мой! что Ты даровалъ мнѣ такого сына; А ты, Ванька, ты очень хорошо сдѣлалъ, что послушался его. Вотъ тебѣ двѣ гвинеи. Забудь эту негодную ночь. Поди согрѣйся, и не много усни, а тамъ опять я тебя пошлю къ сыну. Я ни мало не

огорчаюсь тѣмъ безпокойствомъ, которое онъ намъ нанесъ: онъ все то сдѣлалъ, что могло насъ успокоить.

Но сколько будетъ страдать сердце моего друга, когда онъ узнаетъ, что мы и сами такъ много страдали. Ванька уже уѣхалъ къ нему. Я видѣлъ, что Г. Грандиссонъ отдалъ ему кошелекъ полной золота для своего сына, чтобъ онъ доставилъ для Маіора все нужное. Я очень желаю теперь узнать, живъ ли этотъ бѣдной Маіоръ, или нѣтъ. Надѣюсь скоро васъ объ этомъ увѣдомить; прощайте, матушка, не переставайте меня любить. Но любите также и друга моего, Карла, за его бодрость, предосторожность и человѣколюбіе.

Одиннатцать часовъ.

Наконецъ Карлъ возвратился, матушка. Съ какимъ восхищенїемъ я его обнялъ? Это ангелъ въ моихъ глазахъ. По его старанїямъ Маїоръ, слава Богу, сталъ гораздо спокойнѣе, и скоро вылѣчится отъ своей раны.

Карлъ прїѣхалъ тогда, когда мы наименѣе его ожидали. Эмилїя первая его увидѣла. Отъ радости вдругъ она вскричала: Карлъ, Карлъ! и бросилась тотчасъ къ нему на встрѣчу. Они вошли, другъ друга обнимая. Карлъ оставилъ ее при дверяхъ, и побѣжалъ къ отцу. Онъ сталъ предъ нимъ на колѣни; и только что всталъ, то тотчасъ бросился на шею къ матушкѣ, которая къ нему про-

тягивала руки. Я вамЪ напишу отЪ слова до слова все то, что они говорили. Этого я во всю жизнь не забуду.

Карлъ.

Простите ли вы мнѣ, дражайшіе родители, что я вамЪ нанесЪ столько безпокойства?

Г. Грандиссонъ.

Тебя простить? Поди лучше ко мнѣ, да обойму я тебя тысячу и тысячу разЪ. Ты исполнилЪ свой долгЪ вЪ разсужденіи одного изЪ твоихЪ ближнихЪ, не забывая своихЪ обязанностей и вЪ разсужденіи насЪ.

Карлъ.

Карлъ.

Вы меня приводите въ замѣшательство своими милостями, батюшка.

Г. Грандиссонъ.

Ну, такъ перестанемъ объ этомъ говорить. Что, каковъ твой больной?

Карлъ.

Ему стало гораздо легче. Онъ только нѣсколько слабъ; но лѣкарь мнѣ сказалъ, что рана его не опасна.

Гж. Грандиссонъ.

Все ли онъ еще въ избѣ у этихъ мужиковъ? Будетъ ли за нимъ присмотръ?

Карлъ.

О, матушка! не безпокойтесь объ этомъ! Сынъ его теперь съ нимъ. Онъ какъ скоро мнѣ сказалъ, гдѣ онъ живетъ, то я тотчасъ послалъ туда нарочнаго, увѣдомить его фамилїю объ этомъ нещастїи. Старшїй сынъ не медля прискакалъ туда. Съ какимъ удовольствїемъ я вручалъ страждущаго отца тому, который для него всего дороже!

Г. Грандиссонъ.

Но Маїоръ можетъ ли имѣть все для себя нужное?

Карлъ.

О, батюшка! онъ очень богатъ; и вотъ вамъ кошелекъ, ко-

который вы ко мнѣ прислали. Я не имѣлъ случая симъ пользоваться.

Г. Грандиссонъ.

Онъ тебѣ принадлежитъ, любезный сынъ.

Карлъ.

Какъ, батюшка?

Г. Грандиссонъ.

Я тебѣ его дарю, Карлъ, въ знакъ моего удовольствія. Я увѣренъ, что ты употребишь его въ пользу. Продолжай во всю жизнь быть такимъ, какимъ ты себя нынѣчѣ оказалъ. Берегись ожесточить свое сердце къ нещастіямъ твоихъ ближнихъ.

Карлъ.

Ахъ, батюшка! что мнѣ вамъ сказать? Я боялся отъ васъ выговору, а вы еще осыпаете меня милостями.

Гжа. Грандиссонъ.

Но, какъ ты тамъ былъ въ избѣ?

Карлъ.

Признаться вамъ, матушка, я совсѣмъ почти не занимался мѣстомъ, гдѣ я былъ. Въ глазахъ моихъ былъ только одинъ бѣдный старикъ, котораго смерти я поминутно опасался.

Гжа. Грандиссонъ.

Такъ ты цѣлую ночь не спалъ?

Карлъ.

Карлъ.

Я велѣлъ было послать себѣ соломы подлѣ постели Маïора. Но ваше безпокойство и смятенïе моего брата, сестрицы и друга, которое я всегда себѣ представлялъ, да сверхъ того моя опасность въ разсужденïи жизни бѣднаго старика, все это отгоняло отъ меня сонъ. Впрочемъ, естьли бы я могъ думать, что вы провели цѣлую ночь въ неизвѣстности о моей жизни: то сколько бы мое сердце страдало? Я бы прïѣхалъ къ вамъ, хоть бы щупалъ руками въ потемкахъ.

Гжа. Грандиссонъ.

Обойми меня, любезный сынъ, обойми меня еще. Однакожъ я не хочу наслаждаться удовольствï-

ствіемъ болѣе тебя слушать. Пора ужъ тебѣ немного поуспокоиться.

Должно было разстаться, и я его проводилъ въ спальню. Какъ я щастливъ, сказалъ онъ мнѣ, пожавъ у меня руку, что батюшка и матушка мною довольны? Не смотря на удовольствіе, которое бы я имѣлъ, услуживъ этому бѣдному Маіору, я бы никогда не утѣшился, естьлибъ ихъ разсердилъ.

Любезный и дражайшій другъ вскричалъ я, бросившись къ нему на шею! Это одно только могъ я промолвить, матушка. Глаза мои наполнились слезами, сердце мое стѣснялось отъ вздоховъ, и я не могъ вырваться

изъ

изъ его объятій. О! сколько приноситъ удовольствія чувствительность! и коль пріятно имѣть у себя нѣжнаго и добродѣтельнаго друга!

Конецъ I части.

